

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Безславная гибель Портъ-Артурской эскадры, позорная „Цусима“, рядъ отвратительныхъ фактовъ, сдѣлавшихся уже достояніемъ общества, повидимому мало повліяли на праздничный обликъ русскаго военнаго моряка.

Не такъ давно во Владивостокѣ обнаружены крупныя хищенія офицерами порта. Мѣстная печать *) обличала этихъ „истинно русскихъ патриотовъ“ въ сбытъ японцамъ колоссальнаго количества желѣза и мѣди, въ числѣ которыхъ оказались цѣлыя части подводныхъ лодокъ и миноносцевъ.

Слышутся отзывы о небрежной постройкѣ новыхъ судовъ, благодаря недостаточному над-

*) «Восточная Русь» № 9 1907 г. Издавалась во Владивостокѣ и была закрыта, вслѣдствіи этихъ разоблаченій.

зору и нравственной высотѣ лицъ, спеціально для того командированныхъ за границу.

На нашихъ верфяхъ лихорадочно работаютъ надъ сооруженіемъ боевыхъ кораблей.

Словомъ, русскій флотъ, несмотря на тщетные протесты народныхъ представителей, возрождается.

Правительство твердо и неуклонно идетъ къ намѣченной цѣли возстановленія морской военной силы въ Россіи, не взирая на безуміе этой преступной затѣи. Ни доказательства, ни доводы о невозможности создавать флотъ, при существующемъ личномъ составѣ и министерствѣ, живущемъ старыми традиціями хищеній и всевозможнаго рода мошенничествъ, не приводятъ ни къ чему.

Милліоны народныхъ денегъ несомнѣнно уйдутъ, да и уходятъ уже на возрожденіе флота и общество въ смущеніи созерцаетъ эту грандіозную работу.

Винovníкъ Цусимской сдачи наказанъ; очень немногіе раздѣлили его участь. Словомъ, необходимыя для правительства жертвы найдены и понесли кару, а большинство же истинныхъ преступниковъ пошло широкими шагами вверхъ по іерархической лѣстницѣ.

Старые люди, старые нравы. Трудно имъ отказаться отъ вѣвшихся въ плоть и кровь коренныхъ традицій корпораціи. Чувствуя

возвращеніе прежнихъ порядковъ, они создаютъ свою силу и безъ зазрѣнія совѣсти возвращаются къ старымъ приѣмамъ.

Наглость, съ которою морское министерство, вскорѣ послѣ войны, вошло съ представленіемъ въ Совѣтъ Министровъ объ ассигнованіи денегъ на *расширеніе морскаго генеральнаго штаба*—свидѣтельствуетъ, что старыя традиціи еще живы и среди обновителей флота, какъ живутъ въ семьяхъ офицеровъ, оставшихся безъ своихъ кораблей.

Пора же поднять черную завѣсу надъ недавнимъ прошлымъ морскаго министерства и блестящей семьей русскихъ моряковъ, приведшихъ Россію къ невиданному еще позору.

Искать причину нашихъ неудачъ въ поведеніи отдѣльныхъ лицъ бессмысленно и бесполезно. Поступки того и другаго могутъ служить лишь иллюстраціей къ описанію общей постановки дѣла. Нужно смотрѣть „въ корень“ и тамъ найти причину, которой мы обязаны созданіемъ сонма негодяевъ, въ руки которыхъ довѣрчивая Россія вручила свою честь, огромные капиталы и сотни тысячъ жизней.

Въ настоящее время когда вся русская и иностранная пресса переполнена извѣстіями о возрожденіи русскаго флота, когда даже, съ позволенія сказать, парламентъ Россійской куцой конституціи и тотъ выражаетъ потуги

на протестъ правительству въ вопросѣ объ ассигнованіи денегъ на постройку новыхъ судовъ, будетъ вполне своевременно освѣтить всему міру, что такое представляла собою корпорація русскихъ моряковъ и возможно ли созданіе новаго флота при наличности стараго состава, стоящаго во главѣ морскаго вѣдомства и занимающаго всѣ самостоятельныя должности въ русскомъ флотѣ. Выстроить новые боевые корабли вещь не трудная; ихъ можно создать въ очень короткій срокъ на пародныя кровныя деньги, но что же дальше? Неужели есть павные люди, которые могутъ воображать, что будущій Россійскій флотъ, возстановленный плеядою мошенниковъ, воровъ и предателей, можетъ представлять изъ себя что нибудь серьезное, могучее?

Гнилой организмъ семьи русскихъ моряковъ не можетъ воспроизвести странъ здороваго потомства. Не можетъ въ Россіи быть хорошаго военнаго флота, прежде нежели отъ покрывшаго себя позоромъ состава останется хотя бы горсточка людей, живущихъ традиціями недавняго, грязнаго прошлаго. А останутся они до тѣхъ поръ пока на Руси будетъ господствовать произволъ самодержавія, пока самъ народъ наконецъ не проснется и не произнесетъ своего грознаго veto.

Но до этого момента протечетъ не мало времени и Россія будетъ осуждена оставаться безъ флота.

Пусть! пусть десятки лѣтъ протекуть до возрожденія русскаго флота, пускай за этотъ періодъ не будетъ выстроено ни одного корабля, это неважно для континентальнаго государства, но пусть новый русскій флотъ, если таковой только пужень Россіи, зародится при новыхъ условіяхъ жизни русскаго народа, при яркихъ лучахъ солнца правды, свободы и равенства. Такой флотъ будетъ вѣрнымъ оплотомъ не только для огромной Россіи, но и для всѣхъ Европейскихъ народовъ отъ надвигающихся желтыхъ тучъ съ просыпающаго Востока.

Предлагая настоящій матеріалъ на общественный судъ, я не могу не сдѣлать оговорки: честные труженники, искренне болѣвшіе душою за гибель роднаго флота просматривали его. Они вносили свои поправки и дополняли пробѣлы. Эти порядочные офицеры, не имѣвшіе возможности огласить истины, давали мнѣ свидѣнія съ условіемъ *непрямой* ихъ огласки въ печати, такъ какъ мало надѣялись на измѣненіе коренныхъ порядковъ въ бюрократическихъ сферахъ морскаго министерства, даже послѣ всего позора, который пережилъ флотъ.

Быль моментъ проблеска голоса совѣсти и у другихъ въ минуты искренняго сознанія того, что довело ихъ до ужаснаго положенія русскаго моряка. Они ждали кары на родинѣ, ждали суда и наказанія. Но все обошлось благополучно. Многіе получили даже высокія награды и поднялись по службѣ. Глубокія раны позора быстро зажили въ ихъ существахъ. Забыли они свои переполненныя горечью рѣчи, признанія и раскаянья и снова пошли по пути, по которому катились до кровавой расплаты въ Артурѣ и Цусимѣ.

РУСТАМЪ БЕКЪ.

I.

Наши силы и дѣятельность послѣ занятія Портъ-Артура.—Постройка судовъ.—Отплытка въ Россію эскадры.—Какъ наши моряки готовились къ войнѣ.—Экономія и вооруженный резервъ.—Стрѣльба.—Прежде и теперь.—О чемъ заботились отцы командиры.—Князь Ухтомскій.—Какъ командиры знали типы своихъ кораблей.

I.

Въ моментъ занятія нами Портъ-Артура (16 марта 1898 г.), когда на верхахъ этой крѣпости вѣвился Андреевскій флагъ, во Владивостокъ была сосредоточена эскадра, состоявшая изъ слѣдующихъ боевыхъ судовъ:

„Сисоя Великаго“, „Наварина“, „Нахимова“, „Корнилова“, „Петропавловска“, „Рюрика“, „Россиа“, „Дмитрія Донскаго“, „Владимира Мономаха“. Канонерскихъ лодокъ: „Отважнаго“, „Корейца“, „Гремящаго“, „Сивуча“, „Гиллина“, „Манчжура“ и „Бобра“, а также одиннадцати помершихъ минопосцевъ.

Почти, съ того же времени государства Панадной Европы начали усиливать свои флоты, а на ними потянулись также и мы, „прорубавшіе“ окно въ Тихій Океанъ.

На ассигнованные девяносто милліоновъ начали сооружаться суда. Словомъ Россія вступала въ новую эру морской державы.

Заработали и наши верфи.

Были окончены: „Громобой“, „Севастополь“ и „Полтава“, не вошедшіе въ новый девяносто-милліонный бюджетъ и затѣмъ: „Пересвѣтъ“, „Побѣда“, „Диана“, „Паллада“, „Аврора“, „Дмитрій Донской“, „Ослябя“, „Императоръ Александръ III“, „Суворовъ“, „Бородино“, „Орель“, „Жемчугъ“, „Изумрудъ“ „Олеги“ и 6 неевскихъ миноносцевъ подготавливались на случай войны.

Послѣдніе десять, такъ и не пришли къ началу военныхъ дѣйствій противъ японцевъ: „Ослябя“, „Аврора“ и „Дмитрій Донской“ опоздали, почему и вернулись назадъ, а остальные не были еще готовы.

Строились эти суда что то боснословно дорого и въ особенности „Ослябя“ обошелся государству въ колоссальную сумму.

Надо замѣтить, что „Ослябя“ былъ заложенъ одновременно съ „Пересвѣтомъ“, который ушелъ въ заграничное плаваніе осенью 1901 года, когда первый только черезъ два

года послѣ того. Строились они на Балтійскомъ заводѣ.

На иностранныхъ верфяхъ были сооружены: въ Америкѣ — „Ретвизанъ“ и „Варягъ“; въ Германіи — „Аскольдъ“, „Богатырь“, „Новицъ“ и учебное судно „Океанъ“; въ Даніи — „Вояринъ“; во Франціи — „Цесаревичъ“, „Баянъ“ и шесть миноносцевъ.

Всѣ эти суда были заказаны безъ строго обдуманнаго стратегическаго плана, то есть, чересчуръ разнотипными съ большою разницею въ ходѣ, въ вооруженіи и наконецъ въ артиллеріи.

Нечего и говорить, что при подобномъ положеніи вещей, корабли эти не могли представлять собою тактическихъ единицъ, то есть, быть сгруппированными въ болѣе или менѣе сильныя отряды.

Только съ постройки „Александра III-го“ начали у насъ сооружать однотипные броненосцы. Такимъ образомъ: „Бородино“, „Слава“, и „Орель“, приготовленные къ спуску, представляли собою отрядъ изъ пяти броненосцевъ вмѣстѣ съ „Суворовымъ“ и „Александромъ III“.

Въ составѣ Портъ-Артурской эскадры, хотя

и было три однотипные броненосца: „Петропавловскъ“, „Севастополь“. и „Полтава“, но за малочисленностью составить сильного отряда они не могли.

Съ момента занятія Портъ-Артура, мы почти совсѣмъ не работали тамъ по морской части. Мастерскія, разрушенныя во время Китайско-Японской войны, оставались въ томъ же видѣ. Портъ не восстанавливался, такъ какъ завязалась самая обширнѣйшая переписка съ С.-Петербургомъ: сдавать ли портовые работы съ подряда, или производить ихъ хозяйственнымъ способомъ.

Послѣ окончанія Китайскихъ безпорядковъ, въ 1901 году, не смотря на протесты начальника эскадры Скрыдлова и командующаго флотомъ Алексѣева, наши морскія силы на Дальнемъ Востоку были ослаблены отсылкою въ Россію цѣлой эскадры. Подъ командою контръ-адмирала Чухнина ушли: „Сысой Великій“, „Владиміръ Мономахъ“, „Дмитрій Донской“, „Наваринъ“ и „Корниловъ“. Часть этихъ судовъ простояли зиму въ Либавѣ и только въ 1903 году прибыли въ Кронштадтъ для ремонта.

За все время на Дальній Востокъ еще прибыло четырнадцать контръ-миноносцевъ. Одинъ былъ взятъ у Китайцевъ и названъ „Лейтенантъ Бураковъ“, да 10 собрано въ Портъ-Артуръ.

Нельзя сказать, чтобы нашъ Тихоокеанскій флотъ былъ хоть мало мальски сносно занятъ подготовкой къ военному времени. Къ сожалѣнію, въ высшихъ сферахъ министерства были охвачены какой то повальной маніей экономіи угля, думая этимъ уменьшить колоссальные расходы его, являвшіеся вслѣдствіи совершенно другихъ причинъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Поэтому ученія въ морѣ отрядами и отдѣльными судами были сокращены до minimum'a, а тутъ еще, все ради той же экономіи, въ 1901 г. былъ введенъ, такъ называемый, „вооруженный резервъ“. Здѣсь уже соблюдалась строжайшая экономія и даже команда была лишена положенной „чарки“, а офицеры получали половинное „морское“.

Суда резерва безвыходно стояли въ портахъ, а потому ни отрядныхъ, ни эскадренныхъ ученій не производилось. Занимались

съ учениками спеціалистами да слегка подчинивались, такъ какъ производству капитальнаго ремонта мѣшала двадцати-четырёх-часовая готовность резервнаго судна, въ случаѣ требованія выйти въ море. Не смотря на то, что долѣе четырехъ мѣсяцевъ суда не должны были находиться въ резервѣ, однако миноносцы держались тамъ по восьми и все ради той же экономіи.

Такимъ образомъ, лишеныя плаванія, они не были подготовлены къ отряднымъ маневрированіямъ, а командиры судовъ не имѣли возможности привыкнуть къ морскимъ качествамъ своихъ кораблей.

Развѣдывательная служба была совершенно заброшена. Миноносцы соединенными отрядами почти никогда не плавали. За послѣдніе два года (1902 и 1903) они совершили всего одинъ походъ въ Корейскіе шхеры. На стрѣльбу также обращалось мало вниманія. Производилась она не чаще 2—3 разъ въ годъ, что несомнѣнно недостаточно для совершенствованія въ этой важной отрасли военно-морского дѣла и офицеровъ, и комендоровъ. Впрочемъ и болѣе частыя упраж-

ненія не дали бы нужныхъ результатовъ при той постановкѣ боевой стрѣльбы, какъ это было въ нашемъ Тихоокеанскомъ флотѣ. По видимому ее производили только для проформы: отбыли „номеръ“ и съ рукъ долой.

Обыкновенно для боевой стрѣльбы выбирались тихіе, ясные дни, а если и набѣгала мгла во время упражненій, то командиры торопили артиллерійскихъ офицеровъ, чтобы какъ можно скорѣе отстрѣлять. Понятно, что при подобной спѣшкѣ комендоры не могли ни хорошо осмотрѣться, ни прицѣлиться. Такимъ образомъ нѣсколько сотъ снарядовъ выпускалось, по просту, въ воздухъ. Не рѣдко, въ дѣйствиіе пасмурности сокращали дистанцію.

Стрѣльба велась не на 30—40 кабельтовыхъ, а только на десять. Словомъ, выполнялся такъ называемый „номеръ“, то есть, нижній чинъ выпускалъ положенное число снарядовъ, но каковъ получался отъ этого результатъ было безразлично.

И вотъ такое важное ученіе производилось халатно! Совершенно также поступали и съ прочими занятіями.

Все это являлось слѣдствіемъ стремленія

гг. командировъ сократить время пребыванія въ морѣ, чтобы поскорѣе вернуться въ семью.

Теперь, когда въ плаваніе моряки ѣдутъ по желѣзной дорогѣ, обзаводятся домами и и семьями, какой интересъ можетъ представлять для нихъ море?

Вѣдь въ прежнее время суда уходили за границу на четыре, а то и на пять лѣтъ. Изъ плаванія возвращались моряки въ полномъ составѣ, сживались съ кораблемъ, привыкали другъ къ другу и на берегъ смотрѣли, какъ на временный пріютъ.

Теперь же мы видимъ совершенно обратное. Даже молодежь смотреть на корабль, какъ на тюрьму и всё помышленія ея направлены на берегъ, въ шумные пантаны, или въ будуары мѣстныхъ свѣтскихъ львицъ.

Отправка молодыхъ офицеровъ на Дальній Востокъ по желѣзной дорогѣ сдѣлала то, что многіе изъ нихъ кромѣ портовъ: П.-Артура, Владивостока и Дальняго — ничего другаго не видали.

Вотъ напримѣръ, лейтенантъ Борисовъ съ сокрушеніемъ жаловался на то, что никогда не былъ въ Чифу, а вѣдь этотъ портъ ле-

жить въ 70-ти миляхъ отъ Артура, т. е., въ шести часахъ ѣзды отъ него. И много было такихъ, которые ровно ничѣмъ не интересовались и знать ничего не хотѣли, глядя, конечно, на старшихъ.

Отцы командиры всецѣло были погружены въ свои хозяйственныя комбинаціи, да заняты вычисленіемъ ценза и расчетомъ, сколько имъ осталось дней докомандовать кораблемъ, чтобы со спокойною совѣстью уѣхать въ Россію.

Когда князь Ухтомскій командовалъ „Владиміромъ Маномаромъ“, какъ онъ надоѣдалъ всѣмъ, приставая со справками по поводу этого ценза. Старшимъ штурманомъ у него былъ капитанъ Саловъ и къ несчастію на его обязанности лежало давать свѣдѣнія по этому вопросу. То и дѣло Саловъ призывался къ командиру и ему производили форменный допросъ: сколько князю осталось докомандовать крейсеромъ.

Вообще мало кто изъ командировъ интересовался морской службой. Къ стыду ихъ, многіе не знали даже типа судовъ и постоянно путали свои корабли, а объ иностранныхъ и говорить нечего.

Характеренъ фактъ, переданный мнѣ помощникомъ капитана парохода Добровольнаго Флота „Кіевъ“, Кисимовымъ *) и подтвержденный другими.

Было это въ 1898—1899 г. На Артурскій рейдъ входилъ пароходъ Добровольнаго Флота. Въ числѣ пассажировъ находился капитанъ 1-го ранга Шаронъ-де-ла-Розъ.

Этотъ свѣтскій, великолѣпный по своей внѣшности, офицеръ ѣхалъ принимать крейсеръ „Дмитрій Донской“, которымъ былъ назначенъ командовать. Такое назначеніе положительно отуманило голову моряка и въ продолженіи всего пути на „Добровольцѣ“, онъ только и говорилъ о томъ своимъ попутчикамъ. Теперь, увидя крейсеръ, онъ сейчасъ же узналъ въ немъ „Дмитрія Донского“ и подойдя къ группѣ пассажировъ, патетически воскликнулъ:

— Вотъ онъ лихой крейсеръ, которымъ мнѣ суждено командовать!

— Да вѣдь это „Владиміръ Мономахъ“, замѣтилъ ему командиръ парохода.

*) Кисимовъ нынѣ командиръ «Воронежа».

— Что вы, что вы! возмутился Шаронъ, — неужели, я капитанъ перваго ранга, не сумѣлъ бы различить типъ корабля, на который назначенъ командиромъ.

Сейчасъ же была потребована шлюпка, погружены вещи и Шаронъ отплылъ на свой крейсеръ. Начинало смеркаться.

Какъ впоследствии рассказывалъ князь Ухтомскій, произошла слѣдующая сцена.

— Входитъ ко мнѣ въ каюту Шаронъ, говоритъ князь, — поздоровались. — Давно пожаловали? спрашиваю. Надолго ли къ намъ?

— Я васъ прибылъ смѣнить, говорить.

— Меня? Я ровно ничего не знаю, никакого увѣдомленія не получалъ.

— Вотъ предписаніе, поблѣднѣвъ, говоритъ Шаронъ и подаетъ мнѣ пакетъ. Я, знаете ли, не на шутку перепугался, сердце екнуло. Развернулъ бумагу, да какъ прочелъ, такъ и расхохотался. — Да, но я команду „Мономахъ“ и это меня не касается, отвѣтилъ я посетителю, возвращая ему предписаніе.

— Какъ!? въ полномъ недоразумѣніи спросилъ Шаронъ.

— Потому что вы на „Владиміръ Мономахъ“, а не на „Донскомъ“, отвѣчалъ я.

Много говорилось объ этомъ характерномъ эпизодѣ и никто не могъ понять только одного: какимъ образомъ, будучи уже на шлюпкѣ, Шаронъ все же не сообразилъ, что ѣдетъ на „Мономахъ“.

Во время минувшей войны, когда Владивостокская эскадра подъ командой к.-адмирала Безобразова совершила походъ въ Гензанъ, на обратномъ пути ее преслѣдоваль отрядъ Камимуры. И что же? Безобразовъ донесъ, что его преслѣдовала эскадра адмирала Того. Стало быть и онъ самъ, и его флагъ капитанъ, кап. 2 ранга Угрюмовъ, и вообще офицеры, окружавшіе адмирала, не знали типовъ японскихъ судовъ, которые легко было опредѣлить простымъ глазомъ, въ виду очень небольшого разстоянія, раздѣлявшаго обѣ эскадры.

Ну гдѣ же нашимъ морякамъ было сражаться съ японцами, когда каждый матросъ у послѣднихъ не только былъ снабженъ таблицей съ силуэтами нашихъ судовъ, но зналъ всѣ спеціальныя свѣдѣнія о непріятельскихъ корабляхъ.

Во время моего плѣна, я не разъ поражался,

на сколько японскіе матросы знаютъ нашъ флотъ. Помню, какъ одинъ изъ нихъ наизусть рисовалъ русскіе военные корабли и по англійски подписывалъ ихъ названія. Когда шла вторая эскадра, то не многіе наши сухопутные офицеры могли перечислить суда, ее составляющія; но за то всѣ японскіе переводчики, офицеры и многіе солдаты, состоявшіе при плѣнныхъ, знали ихъ наизусть и называли фамиліи адмираловъ.

Курьезно то, что большинство участниковъ морскаго боя 28 Іюля подъ Артуромъ не могли назвать ни одного японскаго корабля за исключеніемъ „Миказа“.

Таки охранители нашихъ интересовъ въ Тихомъ океанѣ знали своего врага, съ такою подготовкой они смѣли считать себя готовыми къ войнѣ съ морской державой.

II.

Смотръ Алексѣева. — Лакейская газета. — Витгефтъ и миноносцы. — Штабъ намѣстника. — Ожидалась ли война моряками? — Баронъ Розенъ о японцахъ. — Генералъ Ивановъ о томъ же. — Какъ познакомились наши моряки съ будущимъ врагомъ. — Нагасакскіе друзья русскаго флота. — „Истинно русскіе люди“. — Образование Владивостокской эскадры. — Намѣстникъ отрицаетъ возможность войны. — Телеграмма Царя.

II.

Въ концѣ Октября и въ началѣ Ноября 1903 года, командующій флотомъ Алексѣевъ произвелъ смотръ Тихо-океанской эскадрѣ на Дальневосточномъ рейдѣ. Онъ осматривалъ каждое судно. Производилъ боевыя, водяныя и пожарныя тревоги, а также посадку десанта на ялвонки и каташе на нихъ.

Адмиралъ остался очень доволенъ чистотой на судахъ, знаніемъ своихъ мѣстъ въ боевѣ иванскихъ чиновъ и тѣмъ, что господа офицеры не забыли еще управлять парусами. Произведенныя за тѣмъ эволюціи отрядомъ, не считаламъ убѣдили инспектирующаго, что командиры знаютъ повороты. Надо замѣтить, что виновосцы въ этихъ эволюціяхъ участія не принимали.

Полетѣли всеподданнѣйшія телеграммы о боевой готовности флота и вся Россія, при посредствѣ бряцавшаго оружіемъ „Новаго Времени“ и подобныхъ ему печатныхъ органовъ, читала о могучемъ оплотѣ на Дальнемъ Востокѣ въ лицѣ Тихо-Океанской эскадры.

Благодаря лакейской газеткѣ „Новый Край“, *) издававшейся въ Портъ-Артурѣ подполковникомъ судебно-морского вѣдомства П. А. Артемьевымъ, боевая подготовка нашего флота была раздута до послѣдней степени. Льстивыя, хвалебныя статьи перепечатывались русскими газетами, а подкупленный французскій органъ въ Шанхаѣ, «Echo de Chine» вторилъ своему Артурскому товарищу, туманя и безъ того закружившіяся головы моряковъ.

Вмѣсто освѣщенія дѣйствительнаго положенія вещей, г. Артемьевъ занимался описаніемъ пышныхъ баловъ Алексѣева, парадовъ и смотровъ, кричалъ о нашей мощи на

*) Въ Октябрѣ, Ноябрь, и Декабрѣ 1905 года во дни свободъ, газета издавалось въ Харбинѣ. Издатель Артемьевъ отсутствовалъ въ Петербургѣ. Газета, помимо воли издателя, была радикальнаго направленія и являлась боевымъ военнымъ органомъ. Въ январѣ прибылъ Артемьевъ и сдѣлалъ изъ нея органъ октябристовъ.

АВТОРЪ.

Дальнемъ Востокѣ, подсмѣиваясь надъ японцами и уже въ тѣ времена возбуждалъ заслуженныя нареканія за чрезмѣрное кажденіе Алексѣеву, въ особенности послѣ того, когда тотъ сдѣлался намѣстникомъ.

Иже въ тѣ времена, когда, по плану контръ-адмирала Вирилева, на Дальнемъ Востокѣ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ морскихъ и сухопутныхъ силъ — морское лицо и этотъ постъ занялъ Алексѣевъ, то начальникомъ его штаба былъ контръ-адмиралъ Витгефтъ, которому подчинялись всѣ резервные миноносцы. Такимъ образомъ они являлись вѣятыми изъ подъ вѣдѣнія командующаго Тихо-Океанской эскадрой Старка и какъ бы находились въ совершенно отдѣльномъ вѣдомствѣ. Чтобы получить такой миноносецъ для нуждъ эскадры, поднималась обширная парениска, длившаяся иногда мѣсяцами. Между тѣмъ миноносцы стояли у стѣнки, а команда вмѣсто практики, была занята самымъ второстепеннымъ дѣломъ. Матросы ровно ничему не обучались и проводили большую часть времени на берегу, пьянствуя и безобразничая.

На подобное положеніе вещей въ высшихъ

административныхъ сферахъ никто не обращалъ никакого вниманія.

Штабу намѣстника некогда было задумываться надъ подобными вопросами. Учреждались новые штаты, дѣлались представленія къ наградамъ. Перемѣщали съ одного судна на другое самыхъ маленькихъ офицеровъ и очень строго преслѣдовали нарушеніе воинскаго чинопочитанія. Неоднократно въ приказахъ намѣстника съ недоумѣніемъ читали о наложеніи ареста отъ трехъ до пяти сутокъ на того или другого матроса за неотданіе чести. Въ то же самое время начальникъ эскадры и командиры были на столько стѣнены въ свободѣ дѣйствія, что напоминали собою манекеновъ, движущихся только по мановенію руки всесильнаго штаба. Инициатива начальниковъ была уничтожена въ корнѣ. Дѣло дошло до того, что даже входъ судовъ въ гавань для погрузки угля, приѣмки провизіи и другихъ матеріаловъ, не могъ производиться безъ разрѣшенія намѣстника. Ясно, что подобное положеніе дѣла губительно отзывалось на состояніи эскадры и парализовало самостоятельность командировъ, а такъ

же личнаго состава, который и безъ того въ нашемъ флотѣ не отличался собственной инициативой. Катастрофа въ ночь на 27-ое Января есть прямое слѣдствіе такой печальной постановки дѣла.

Если наше правительство, а за нимъ печатать и кричали о неожиданности нападенія японцевъ на Портъ-Артурскую эскадру, въ то время, когда правящая Россія не желала и не ожидала войны, то это вздоръ. Среди моряковъ только и было, что разговоры о „боевой готовности флота, въ виду ожидающихся военныхъ дѣйствій съ Японіей“. Небуду касаться вообще признаковъ войны; описанію этого періода я посвятилъ специальный отдѣлъ въ своемъ трудѣ: „наша подготовка къ войнѣ на Дальнемъ Востокѣ“. Я подчеркну лишь нѣсколько фактовъ, краснорѣчиво говорящихъ за то, что война для всѣхъ была очевидною. Войну ждали давно и не съ одной Японіей, но и съ Англичанами. Крейсеръ „Рюрикъ“, ходившій въ концѣ Юля 1903 года во Владивостокъ въ качествѣ конвоира номерныхъ миноносцевъ получилъ приказаніе: „быть готовымъ къ бою въ виду возможности нападенія японцевъ“.

Къ окончанію первой половины маневровъ, *) произведенныхъ въ Августѣ 1903 г., въ Артуръ прибыла эскадра изъ Россіи, которая не могла принять участія въ ихъ второй половинѣ опять таки изъ за „серьезныхъ политическихъ осложненій съ Японіей“. Суда приступили къ нагрузкѣ углемъ и перекрашивались въ боевой цвѣтъ. Затѣмъ въ началѣ Сентября Крейсеръ „Рюрикъ“ два раза ходилъ въ Нагасаки для привоза и отвоза нашего посланника барона Розена. Баронъ съ похвалою отзывался о японской арміи и флотѣ, дѣлился съ офицерами „Рюрика“, своими наблюденіями во время морскихъ маневровъ японскаго флота, говоря, что не желалъ бы быть на русскомъ кораблѣ во время морского боя съ японцами.

«Напрасно у насъ считаютъ японцевъ за дикарей, говорилъ онъ, напротивъ, это очень культурная и прогрессивная нація, конечно своеобразная въ этомъ отношеніи, но представляющая собою огромную боевую силу».

*) Маневры эти были названы „Петрушкой“, въ виду ихъ безалаберности и пустоты.

АВТОРЪ

Многіе изъ офицеровъ крейсера въ то время съ недовѣріемъ относились къ словамъ барона и всѣ въ Россіи, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, продолжали въ грошъ не ставить японцевъ, вѣря заявленіямъ вродѣ генераль-лейтенанта Иванова и ему подобнымъ.

Въ 1901 году мнѣ пришлось просматривать отчетъ о лекціи начальника штаба 1-го армейскаго сибирскаго корпуса, тогда генераль маіора Иванова, командированнаго на японскіе маневры. Я пришелъ въ недоумѣніе, прочитавъ то, о чемъ съ такимъ апломбомъ трактовалъ специалистъ генераль. Вѣдь его сообщеніе, дѣившееся нѣсколько дней являлось сплошнымъ глумленіемъ надъ японской арміей. *) Лекторъ называлъ эти маневры „дѣтской забавой“ и въ концѣ концовъ сдѣлалъ выводъ, что арміи японцевъ „грошъ цѣна“. Между тѣмъ многіе изъ присутствующихъ на генеральскомъ сообщеніи и соприкасавшіеся съ японцами во время китайскихъ безпорядковъ были о первыхъ совсѣмъ иного мнѣнія. Одинъ изъ офицеровъ особенно про-

*) Въ такомъ же духѣ ранѣе читалъ сообщеніе о японцахъ подполк генер. штаба Постниковъ.

АВТОРЪ.

силъ меня написать критическую замѣтку на лекцію Иванова. Я сейчасъ же составилъ ее и послалъ въ „Русскій Инвалидъ“, печатавшій раньше мои работы. Замѣтка помѣщена не была. Еще бы! редакторомъ этой газеты былъ г. м. Поливановъ, который изъ чисто корпоративныхъ соображеній швырнулъ мой трудъ въ корзину.

Только впоследствии я узналъ о той причинѣ, которая заставила Иванова такъ скептически отзываться о японцахъ. Объ этомъ мнѣ разсказалъ одинъ иностранный военный агентъ и подтвердилъ въ плѣну японскій маіоръ ген. шт. Кимура, участникъ тѣхъ же маневровъ.

Дѣло въ томъ, что осторожные и подозрительные японцы не особенно то сочувственно относились къ посѣщенію иностранцами своихъ маневровъ. Они всеми мѣрами старались ограничить ихъ кругъ наблюденій и только въ заранѣе опредѣленные раіоны допускали этихъ гостей.

Генераль Ивановъ никакъ не могъ примириться съ такимъ положеніемъ вещей. Ему, русскому, какіе то японки воздвигаютъ рядъ препятствій?

Надо замѣтить, что въ тѣ времена японцы относились къ намъ съ необыкновеннымъ уваженіемъ и отдавали русскимъ предпочтеніе передъ прочими націями. Конечно, это былъ ихъ тактической приѣмъ.

Вслѣдствіе этого генералу Иванову была предложена прекрасная лошадь, почему ему удавалось, не смотря на запретъ, проскакать то на тотъ, то на другой изъ неразрѣшенныхъ пунктовъ.

Примѣру генерала слѣдовали и прочіе. Щадя самолюбіе русскаго, вѣжливые японцы воздержались отъ замѣчаній, но на другой же день привели Иванову такую лошадь, которая еле переставляла ноги.

Генераль сердился, ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ японцевъ и требовалъ замѣны коня. Но передъ нимъ только извинялись и сожалѣли, что не могутъ исполнить этой просьбы, такъ какъ лошадь, на которой онъ ѣздилъ наканунѣ, заболѣла отъ быстрой ѣзды, а въ распоряженіи штаба вообще очень мало коней.

Такъ относилась къ вопросу ознакомленія съ сосѣдомъ сухопутное вѣдомство, также и еще непростительнѣе поступали моряки.

Вѣдь въ Нагасакахъ, Кобе и Йокогамъ наши суда, и по одиночкѣ и цѣлыми отрядами стояли ежегодно по нѣсколько мѣсяцевъ. Кажется было достаточно времени ознакомиться съ Японіей и ея населеніемъ, познать степень развитія военного искусства у этого народа. Какъ-же? Мы какъ будто нарочно подставляли нашъ флотъ будущему врагу для детальнаго изученія своихъ кораблей, а сами занимались изслѣдованіемъ чайныхъ домиковъ, гейшъ и вообще японскихъ женщинъ.

Въ деревни Инаса, что по ту сторону Нагасакской бухты, образовалась цѣлая русская колонія, гдѣ преимущественно селились японскія жены русскихъ моряковъ. Многіе семейные покупали себѣ японокъ и жили съ ними. Дѣти смѣшеннаго типа и по сіе время наводняютъ эту деревушку, а нагасакскіе купцы богатѣли за счетъ русскаго флота.

Въ помѣщеніи извѣстной О-Мацу-санъ Морюка всѣ стѣны завѣшены фотографіями русскихъ моряковъ, съ цѣлыми надписями.

Среди нихъ имѣются портреты великихъ князей Бориса и Кирилла съ надписью: „милой О-Мацу-Санъ“. Былъ портретъ съ таковой же

надписью отъ Николая II, которому эта японка, во время путешествія его на Дальній Востокъ, дарила свои ласки въ «Hôtel Belle Vue» въ Нагасакахъ. Она берегла этотъ портретъ и очень гордилась памятью своего вѣщнаго любовника, но послѣ восшествія на престолъ Николая II одному изъ офицеровъ было приказано украсть этотъ портретъ русскаго царя. Конечно, приказаніе было исполнено и О-Мацу-Санъ только оплакиваетъ свою потерю.

Для историка нашего флота здѣсь неисчерпаемый матеріалъ: онъ получитъ нѣсколько сотъ біографій и точнѣйшихъ характеристикъ. Красавица Ойѣ, жена одного сапожнаго русскаго командира, содержавшая въ былыя времена игорный домъ для русскихъ офицеровъ, плачетъ теперь о гибели нашего флота и собирается ѣхать въ Россію. Ея дочь Очія открыла гостиницу для русскихъ и не пропускаетъ ни одного парохода Добровольнаго флота, чтобы не провести время въ обществѣ русскихъ коммерческихъ моряковъ, за неимѣніемъ военныхъ. „Вотъ военные моряки—это истинно русскіе люди, говорила Очія, такихъ ужъ больше нѣтъ!“ Когда на Нагасакскій рейдъ

въ началѣ 1906 г. зашелъ военный транспортъ „Аргунь“,—оживилась Ипаса и цѣлый рядъ вакханалій былъ устроенъ нашими моряками съ ихъ прежними пріятельницами. Словомъ, все по старому.

О кутежахъ нашихъ моряковъ въ Японіи ходятъ баснословные рассказы. Мѣстный купецъ Леснеръ самъ говоритъ, что разбогатѣлъ только на деньги русскаго флота и когда японцы потребовали отъ него пожертвованія на красный крестъ, мотивуя, что онъ нажился въ Японіи, то онъ отказалъ имъ, заявивъ, что кромѣ 20000, которые ему должны японцы и каковыхъ онъ никогда не получитъ, у него отъ Японіи ничего не было и не будетъ.

Разгульная жизнь нашихъ моряковъ въ Японіи длилась вплоть до занятія нами Артура, послѣ чего она едва замѣтно ослабѣла.

Въ концѣ Сентября 1903 года отрядъ крейсеровъ въ составѣ: „Россія“, „Громобоя“, „Рюрика“ и „Богатыря“, подъ командою контръ-адмирала Штакельберга, отправился во Владивостокъ, гдѣ и образовалъ эскадру вмѣстѣ съ находившимися тамъ миноносцами.

Опять таки „въ полной боевой готовности“ шелъ этотъ отрядъ черезъ Корейскій проливъ, ожидая атаки японцевъ.

8-го Октября въ Артурѣ ожидали объявленія войны, такъ какъ это былъ срокъ очищенія Манчжуріи русскими войсками, вывести которые оттуда и не думали.

Въ то же самое время правительство и печать твердили своему народу о несокрушимомъ мирѣ, предначертанномъ главою государства.

По поводу отсылки четырехъ крейсеровъ во Владивостокъ въ каютъ-компаніяхъ шли оживленные споры. Болѣе благоразумные высказывались за отправку туда всей эскадры, ища въ Артурской гавани мышеловку, изъ которой трудно будетъ выйти въ виду противника, что и оказалось на дѣлѣ, въ особенности, послѣ атакъ японскихъ брандеровъ.

До роковой ночи на 27-ое Января, Алексѣевъ утверждалъ о невозможности войны и 25-го Января отдалъ приказъ, согласно которому „тѣ, кто осмѣлятся распространять ложные слухи о яко бы близкой войнѣ съ Японіей, будутъ имъ строго наказываться“.

Всѣ были окончательно сбиты съ толку такимъ поведеніемъ намѣстника и въ особенности тѣ изъ отдѣльныхъ начальниковъ, которымъ необходимо было знать настоящее положеніе вещей.

На сколько Алексѣевъ былъ въ курсѣ дѣла можно судить по полученной имъ телеграммѣ изъ Петербурга.

КОПИЯ.

Отъ Его Императорскаго Величества Генераль-адъютанту Алексѣеву 26 Января 1904 г.

„Желательно, чтобы японцы, а не мы открыли военные дѣйствія. По этому, если они не начнутъ дѣйствій противъ насъ, то вы не должны препятствовать ихъ высадкѣ въ Южную Корею или на восточный берегъ до Гензана включительно. Но если на западной сторонѣ Кореи ихъ флотъ съ десантомъ, или безъ оного перейдетъ къ северу черезъ 38-ю параллель, то вамъ предоставляется ихъ атаковать, не дожидаясь перваго выстрѣла съ ихъ стороны. Надѣюсь на васъ. Помогите вамъ Богъ!

НИКОЛАЙ.

Рядъ предшествовавшихъ телеграммъ былъ не менѣе положительнаго характера. Войны не только не избѣгали, но желали ея. Нельзя же предположить, что въ то же время жаждали собственного пораженія.

Поведеніе Алексѣева было именно такого рода, какъ будто онъ старался, чтобы и эскадра и гарнизонъ Артура были захвачены врасплохъ въ моментъ нападенія врага.

Такъ оно и вышло.

Японцевъ называли „коварными“ и вооружившись полнѣйшимъ презрѣніемъ къ уско-глазымъ „япошкамъ“ начали воевать съ ними.

III.

Первый выходъ Владивостокской эскадры. — Райценштейнъ. — Побѣда и разочарованіе. — Второй походъ. — Японцы у Владивостока. — Обѣдъ съ дамами мѣшаетъ погонѣ. — Настроеніе офицеровъ. — Эскадры. — Іюль. — Третій походъ. — Встрѣча съ Кинчу-Мару. — Необыкновенное счастье. — Какъ моряки тралили минны.

III.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о личномъ составѣ русскаго флота и коснуться самаго большого вопроса морского дѣла — судоваго ховяйства, я предложу читателю ознакомиться съ дѣйствіями Владивостокской эскадры вплоть до встрѣчи съ Камимурой, закончившейся гибелью истинно славнаго «Рюрика».^{*)} Къ сожалѣнію, этотъ періодъ дѣятельности Владивостокской эскадры почти не освѣщенъ, а появившія въ печать свѣдѣнія лживы и раздуты. Между тѣмъ они чрезвычайно характерны и послужатъ хорошей иллюстраціей къ послѣдующимъ моимъ главамъ.

По прибытіи во Владивостокъ, крейсера, «Россия», «Громобой», «Богатырь» и «Рюрикъ»,

*) На возвращеніи изъ плаванія въ Харбинъ мною были напечатаны два изданія: одно въ видѣ брошюры и другое въ видѣ брошюры подъ заглавіемъ «Гибель Славнаго Рюрика».

АВТОРЪ.

ради все той-же экономіи, вступили въ резервъ, въ которомъ и отстояли, замерзнувъ во льду, до 17-го Января, послѣ чего начали компанію и перекрасились въ боевой цвѣтъ.

Въ виду серьезныхъ политическихъ осложне- ній съ Японіей, вокругъ судовъ были выстав- лены особые часовые и между ними непре- рывно ходили патрули.

Никого близко не подпускали къ эскадрѣ по льду. Мѣры охраненія здѣсь были на вы- сотѣ и если-бы въ Артурѣ соблюдалось то же самое, не произошло-бы катастрофы въ ночь на 27-ое Января.

Принявъ весь запасъ, крейсера находились въ полной готовности выйти въ море.

20-го Декабря для пробы, съ цѣлью опре- дѣлить, какъ скоро можетъ выйти въ море крейсеръ, замерзшій во льду, „Громобой“ снялся и при помощи одного лишь портового ледокола „Надежнаго“ вышелъ, потративъ на то всего два часа времени. Будь во Вла- довостокѣ нѣсколько ледоколовъ и суда без- препятственно-бы входили и выходили изъ гавани.

Вообще коммерческіе пароходы никогда не прекращали своихъ рейсовъ зимою во Влади-

востокъ и зачастую не пользовались даже помощью ледоколовъ. Только миноносцы, не обладающіе прочной обшивкой, не могли обой- тись безъ содѣйствія послѣднихъ. Не есть-ли это доказательство, что Россія смѣло могла- бы обойтись безъ Портъ-Артура.

За нѣсколько дней до войны к.а. Шта- кельбергъ по болѣзни былъ замѣненъ капи- таномъ 1-го ранга Райценштейномъ.

Эскадра стояла во льду. Вдругъ 27-го Ян- варя въ 10 ч. утра былъ поднятъ условный знакъ: „крейсерамъ готовиться къ походу“.

Командиры поздравили команду съ нача- ломъ военныхъ дѣйствій и эскадра, при по- мощи ледокола „Надежный“ и портовыхъ ка- теровъ ледорѣзовъ, въ теченіе трехъ часовъ, вышла въ море.

Контръ-адмиралъ Штакельбергъ, еще не уѣхавшій въ Петербургъ, не желая разстаться съ эскадрой, совершилъ этотъ походъ въ ка- чествѣ пассажира на крейсерѣ „Россія“ подъ брѣйдъ-вымпеломъ капитана 1-го ранга Райн- ценштейна.

Крейсера взяли курсъ на N. W. окопеч- ность острова Ниппона, подходя къ берегамъ

котораго встрѣтили маленькій японскій пароходъ „Нара-мару-уру“. Подняли сигналъ. Японцы спустили шлюпку и направились къ берегу. „Россія“ открыла огонь по пароходу. Но тутъ-же сказались плоды отсутствія способности Райнциенштейна управлять эскадрой.

Крейсера шли строемъ кильветора, т. е., одинъ за другимъ *) и очутились со всѣхъ сторонъ крошечнаго „японца“, отчего не могли стрѣлять, чтобы не попасть другъ въ друга.

Погода стояла свѣжая, почему другой пароходъ, встрѣченный позднѣе, не былъ утопленъ, такъ какъ японцы не могли-бы спастись.

Затѣмъ отрядъ взялъ курсъ на Гензанъ, имѣя инструкцію идти къ берегамъ Кореи; но по пути былъ застигнутъ штормомъ съ морозомъ до 9 градусовъ. Обледенѣло все: снасти и якоря. Послѣ этого, вопреки инструкціи, Райнциенштейнъ безъ всякой необходимости вдругъ измѣнилъ курсъ и пошелъ обратно во Владивостокъ. Нужды въ этомъ совершенно никакой не было. Офицеры и команда совсѣмъ не были утомлены и роптали

*) Безъ особаго приказанія они не могутъ выходить изъ этого строя.
АВТОРЪ.

на командира эскадры, совершавшаго настоящее преступленіе. Одно появленіе нашихъ крейсеровъ въ Корейскомъ проливѣ, заставило-бы японцевъ на долго задержать свои десанты, или усилить оконвоированіе транспортовъ, которыхъ такъ много шло въ то время изъ Японіи, а весь броненосный флотъ непріятели находился подъ Артуромъ.

По приходѣ во Владивостокъ на „Россію“ взвился сигналъ: „Адмиралъ поздравляетъ съ побѣдой у Артура“! Какого же было общее разочарованіе, когда вслѣдъ за этимъ побѣдоноснымъ сигналомъ, было оповѣщено о минной атакѣ японцевъ и боѣ 27-го Января.

Огорченіе офицеровъ увеличилось еще болѣе, когда узнали, что не было возможности получить уголь, вслѣдствіе полной бездѣятельности порта и недостатка портовыхъ средствъ. Только черезъ трое сутокъ нѣкоторые изъ крейсеровъ начали погрузку.

Начальникомъ отряда и командирами выбиались наидлиннѣйшіе сроки для выхода въ море. Отдохнувши, наконецъ, и медленно нагружившись полнымъ запасомъ топлива и расходнымъ матеріаломъ, отрядъ двинулся въ новый походъ.

По совершенно непонятнымъ кривымъ падесятыя, или одиннадцатыя сутки эскадра подошла, наконецъ, къ берегамъ Кореи, при этомъ слѣдуя именно по такимъ мѣстамъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать встрѣчи съ непріятельскимъ транспортомъ. Въмѣсто правильного крейсера, осмотра береговъ, даромъ тратили уголь на безцѣльную толкотню съ мѣста на мѣсто, взадъ и впередъ, доводя до отчаянія экипажъ всего отряда.

Согласно инструкціи Райнценштейнъ долженъ былъ осмотрѣть Гензанъ. Для этого необходимо было войти въ бухту, или послать туда минные катера, но ничего подобнаго сдѣлано не было.

Поголжавшись въ виду береговъ, отрядъ полнымъ ходомъ прошелъ мимо Гензана, любуясь синѣвшими вдали входными островами. Немудрено, что въ своемъ донесеніи по начальству Райнценштейнъ сообщилъ, что „ни у Корейскаго побережья, ни въ Гензанѣ ничего не замѣтилъ“.

17-го Февраля отрядъ крейсеровъ благополучно прибылъ въ Золотой рогъ, гдѣ снова начала готовиться къ походу.

22-го Февраля въ 9 часовъ утра съ сигнальной станціи было получено донесеніе, что на горизонтѣ показались непріятельскія суда, которые движутся „розсыпнымъ строемъ“ въ Уссурійскій заливъ. Что хотѣлъ въ своемъ донесеніи о „розсыпномъ строе“ пояснить сухопутный офицеръ, можно было понять по догадкѣ. Непостижимо, какъ это на сигнальной станціи, наблюдающей за моремъ не было моряка специалиста.

Крейсера, не торопясь, начали готовиться къ выходу въ море.

Въ часъ дня можно было сняться съ якорей. Началась бомбардировка крѣпости; японцы, повидимому, стремились взорвать минный городокъ.

Однако выходъ затянулся до начала четвертаго часу. Видите ли, командующій отрядомъ Райнценштейнъ на крейсера „Россія“ обѣдалъ съ дамами, почему, какъ галантный кавалеръ, не могъ прервать веселаго обѣда. Если-бы онъ дѣйствительно хотѣлъ скрыть отъ японцевъ присутствіе крейсеровъ во Владивостокѣ, какъ оправдывался впоследствии, то къ чему онъ все-таки вышелъ поздно.

Въ началѣ четвертаго часа крейсера пошли въ море, т. е., спустя цѣлый часъ послѣ донесенія объ удаленіи противника. На зали- томъ пурпурными красками заката горизонтъ видѣлись дымки японской эскадры, благопо- лучно ушедшей во свояси.

Пославъ донесеніе, что при появленіи не- пріятеля Владивостокская эскадра „гналась“ за нимъ, но „догнать не могла“. Райнценштейнъ, солидарно съ командирами, рѣшилъ дальнѣй- шихъ походовъ не предпринимать.

Настроеніе флотскихъ офицеровъ было са- мое подавленное.

На берегъ не съѣзжали; нигдѣ показаться не было возможно. Народъ прямо глумился надъ флотомъ; слово „самотопъ“ получило право гражданства. Въ ресторанахъ постоянно пронесодили стычки, кончавшіяся драками.

Наконецъ офицеры на выдержали и каютъ компанія крейсера „Россія“ написала письмо въ портъ, что подъ начальствомъ Райнценштей- на плавать не могутъ. Письмо это было достав- лено Макарову, которымъ на смѣну Райнцен- штейну былъ сейчасъ-же присланъ контръ- адмиралъ Иессенъ.

Согласно полученной инструкціи, новый начальникъ отряда долженъ былъ сохранять крейсера и обращать главное вниманіе на благоразумную экономію угля.

Онъ выводилъ суда по одиночкѣ для про- бы, а также производилъ пробы и эволюціи цѣлымъ отрядомъ, съ цѣлью ознакомленія съ нимъ.

Въ началѣ апрѣля Иессенъ, наконецъ, получилъ телеграмму отъ намѣстника, что по полученнымъ свѣдѣніямъ наступилъ наи- удобный моментъ для выхода Владивостокской эскадры.

Иессенъ вышелъ. Крейсеръ „Рюрикъ“ былъ возвращенъ по причинамъ, извѣстнымъ лишь адмиралу. Впрочемъ, вполнѣдствіи по поводу этого ходили различные слухи. Одни говорили, что отправка его была вслѣдствіе тихоход- ности, другіе-же изъ за болѣзни командира. Вѣроятноѣе было послѣднее, такъ какъ капи- танъ I-го ранга Трусевъ слегъ въ госпиталь.

Въ этомъ походѣ приняли наконецъ уча- стіе два миноносца №№ 205 и 206, командиры которыхъ лейтенанты Александръ Пель и Максимовъ послѣ трехмѣсячныхъ сборовъ кое какъ приготовились къ выходу.

Отрядъ направился въ Гензанъ.

На слѣдующій день въ туманъ около мыса Болтина, показались признаки близости неприятельской эскадры, по беспроволочному телеграфу. (японскій телеграфъ работаетъ на 80 миль). Эскадра была на чеку.

По прибытіи къ Гензану, внутри бухты его отравились миноносцы, которые взорвали японскій пароходъ и вернулись къ отряду. Затѣмъ миноносцы были отпущены во Владивостокъ, куда благополучно и прибыли.

Отрядъ крейсеровъ пошелъ на сѣверъ вдоль береговъ Кореи, встрѣтилъ маленькій японскій пароходъ, снялъ людей и его потопилъ.

Поднялся туманъ и когда онъ ночью разсѣялся, то крейсерами были замѣченъ японскій транспортъ, оказавшійся „Кинчу Мару“. На опросъ его, былъ полученъ отвѣтъ: „везу вамъ уголь“. Съ „Россіи“ на транспортъ были отправлены лейтенантъ Петровъ и мишный офицеръ Рейнъ, встрѣченные флотскимъ элементомъ транспорта. Получивъ отвѣтъ командира, что на транспортъ только уголь, лейтенантъ Рейнъ въ сопровожденіи одного матроса от-

правился осмотрѣть каюты. Въ одной изъ нихъ онъ обнаружилъ сухопутныхъ офицеровъ, которые сейчасъ-же сдали оружіе и сообщили, что кромѣ нихъ на транспортѣ нѣтъ военнаго элемента.

Когда шлюпки съ плѣнными уже стали отваливать и пятнадцати минутный бикфордовъ шнуръ былъ уже зажженъ, лейтенантъ Петровъ нашелъ сто человѣкъ японскихъ солдатъ, скрытыхъ въ трюмѣ. На предложеніе имъ сдаться — послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Ни увѣщеваніе черезъ переводчика, ни совѣты своихъ офицеровъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Между тѣмъ съ „Россіи“ получено было приказаніе отваливать. Разрѣзанный Рейномъ, бикфордовъ шнуръ снова подпалили и катеръ отвалилъ отъ транспорта.

Японскіе солдаты разсыпались по палубѣ и открыли адскій огонь по „Россіи“ и катеру. На крейсерахъ оказалось двое раненныхъ.

Въ „Кинчу Мару“ была пущена мина и въ продолженіи всего времени, пока онъ тонулъ, — огонь японскихъ солдатъ не прекращался.

Покончивъ съ транспортомъ, эскадра снова попала въ туманъ и благополучно прибыла во Владивостокъ.

Изъ судового журнала японскаго транспорта «Кинчу Мару» и по собраннымъ свѣдѣнiямъ видно слѣдующее: нашъ отрядъ вышелъ изъ Владивостока въ море и направился въ Гензанъ въ то самое время, когда японская эскадра изъ Гензана пошла во Владивостокъ, то есть, что свѣдѣнiя, собранныя намѣстникомъ, были совершенно ложны.

Ослабивъ себя возвращенiемъ «Рюрика», Тессенъ въ туманѣ расходится съ японской эскадрой и безъ боя доходитъ до Гензана; за четыре-же часа до прибытiя нашего отряда въ Гензанъ, японскiй транспортъ „Кинчу Мару“ выходитъ оттуда подъ конвоемъ пяти контръ-миноносцевъ. Такимъ образомъ, посланные ранѣе наши два миноносца во Владивостокъ, какимъ то чудомъ избѣгли гибельной встрѣчи. *)

Опять таки въ туманѣ эти пять контръ-миноносцевъ расходятся со своимъ транспортомъ и настолько удаляются, что не замѣчаютъ его потопленiя; въ противномъ случаѣ они непремѣнно атаквали бы противника. Но Ни-

*) Подобная отправка миноносцевъ отдѣльно была грубой ошибкой адмирала. Только благодаря туману, они уцѣлели.

АВТОРЪ.

колай Чудотворецъ очевидно не дремалъ и зорко слѣдилъ за покровительствуемой имъ эскадрой. Вторично наползаетъ туманъ и снова, разойдясь съ японцами, русская эскадра вечеромъ 8-го Апрѣля приходитъ во Владивостокъ.

Черезъ сутки въ Уссурiйскомъ заливѣ ночью были усмотрѣны четыре миноносца, а на слѣдующiй день послѣ этого, въ виду Владивостока, на горизонтѣ прошла японская эскадра, въ составѣ семи боевыхъ судовъ.

Наши крейсера не выходили, занятыя погрузкою угля.

Такъ какъ изъ горькаго опыта подъ Артуромъ было уже извѣстно, что японцы ставятъ мины съ миноносцевъ, то сейчасъ-же начали тралить. Каждый хорошо знаетъ, что подобная работа очень и очень не безопасна и должна быть произведена особенно тщательно.

Но тутъ по недоразумѣнiю, совершенно необъяснимому, траленiе производилось во всѣхъ четвертяхъ кругомъ острова Скрыплева, кромѣ S. O—вой, гдѣ именно и были замѣчены японскiе миноносцы.

Конечно, мина не нашли и тамъ, гдѣ не было произведено протралки, вскорѣ взорвался Германскій пароходъ Тибериусъ, шедшій съ углемъ во Владивостокъ и миноносецъ № 208, который затонулъ съ человѣческими жертвами.

Скандалъ получился ужасный. Скрѣпя сердце, стали тралить въ S. O—вой четверти и выловили японскія мины.

IV.

Капитанъ Тундерманъ. — „Лена“ прикинулась. — „Богатырь“ на камнѣ. — Китайскій герой Артамоновъ. — Три штаба. — Адмиральскій карцеръ. — Четвертый начальникъ за 5 мѣсяцевъ. — Проектъ Н. Н. Холодовскаго. — Четвертый походъ. — Безобразовъ. — Потопленіе транспортовъ. — Что случилось отъ усердія трехъ штабовъ. — Безобразовъ послѣдователь теоріи раздѣленія труда.

IV.

Послѣ похода въ Гензань контръ-адмираль Иессенъ предполагалъ выйти для пробы на транспортъ „Лена“.

Командиръ послѣдняго, капитанъ II-го ранга Тундерманъ употреблялъ все усилія, чтобы судно не могло выйти: „Георгій есть! зачѣмъ же рисковать“!

Герой Китайской авантюры, Тундерманъ, личность не безызвѣстная. Онъ командовалъ баржей, груженной спиртомъ и съѣстными припасами, во время экспедиціи въ устья Финсея. Баржа эта все плаваніе совершала на буксирѣ, а форсеелемъ *) у нея шла потѣнная яхта съ англичанами туристами. За

*) Форсеель — судно идущее впереди.

побѣдную заслугу отечеству почтенный морякъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владимира.

Наконецъ „Лена“ вышла и сейчас-же ткнулась на мель. *) Началась починка поврежденій, пришлось приняться за другія пробы.

2-го Мая Иессенъ, послѣ испытаній, вышелъ въ море на крейсерѣ „Богатырь“. Говорили, что, разсчитывая на быстроходность его, адмиралъ предполагалъ сдѣлать набѣгъ, не тревожа прочихъ крейсеровъ изъ за экономіи угля.

Въ тотъ-же день около двухъ часовъ, въ туманѣ, когда адмиралъ обѣдалъ, а командиръ и штурманъ были внизу, „Богатырь“ напоролся у мыса Брюса въ бухтѣ Славянка (27 миль отъ Владивостока).

Непонятно, какимъ образомъ на „Богатырь“ старшимъ штурманскимъ офицеромъ былъ лейтенантъ Люби, за которымъ уже числились старые грѣхи. У Эллиотовскихъ острововъ этотъ Люби посадилъ на мель кононерку „Гилякъ“ и специальная коммисія выяснила,

*) Ледоходъ „Надежный“ попытъ выручать Лену, но она свисалась съ мели заднимъ ходомъ, повалила на „Надежнаго“, стоявшаго на якорѣ и повредивъ его прибавилъ себѣ изъяну.

Авторъ.

что аварія произошла только вслѣдствіе его небрежности.

Посланный во Владивостокъ катеръ прибылъ туда лишь къ вечеру и сообщилъ печальную новость. На слѣдующее утро, на помощь „Богатырю“ вышли: крейсеръ „Россія“ и ледоколъ „Надежный“.

За эти сутки съ сидящаго на камнѣ корабля была произведена нѣкоторая разгрузка; но въ погонѣ за экономіей уголь выбрасывать было запрещено, равно и боевые запасы рѣшили оставить на его борту. „Пусть погибаетъ все это съ крейсеромъ, разъ ему суждено пропадать“, разсуждали г.г. „патріоты“.

Командиръ „Россіи“, капитанъ I-го ранга Андреевъ, получившій крейсеръ во время войны, не рѣшался подать буксира „Богатырю“, очевидно неувѣренный въ управленіи своимъ кораблемъ. Ледоколъ „Надежный“ безърезультатно старался стащить крейсеръ съ камня; послѣдняго черезчуръ прочно сдѣлать на скалѣ.

Очевидно, Николай Чудотворецъ отвернулся отъ Владивостокской эскадры и былъ нанятъ Артуромъ да сухопутными дѣлами,

кстати тоже неудачными, почему и не посылалъ благоприятной погоды.

Въ ночь съ 3-го на 4-ое поднялся сильный южный вѣтеръ. Развелась большая зыбь, благодаря которой крейсеръ бился о камень, прорѣзывая все дальше и дальше свой корпусъ по килю. Если онъ и не расколотился вдребезги, то только благодаря прекрасной постройкѣ на германскомъ заводѣ.

Теперь уже пришлось снять и свезти на берегъ артиллерію и носовую башню послѣ чего, черезъ мѣсяць съ момента аварии, былъ снятъ съ камня злополучный крейсеръ.

Тогда какъ выброси весь уголь и откачай всю прѣсную воду при помощи „Россіи“, онъ былъ бы навѣрное снятъ на вторыя сутки.

Въ теченіи цѣлаго мѣсяца тянулась кропотливая работа. Крейсера то по одиночкѣ, то въ полномъ составѣ приходили къ мѣсту катастрофы, при чемъ изъ 800 человекъ команды на каждомъ, посылалось по сорока. Остальнымъ-же предоставлялось любоваться живописно разбросаннымъ на берегу бивуакомъ пѣхоты, да полевыми батареями, поставленными китайскимъ героемъ ген.-майоромъ

Артамоновымъ, храбро собиравшимся сражаться съ двѣнадцатидюймовыми орудіями японскаго флота, при помощи полевыхъ пушекъ и шести дюймовыхъ орудій, снятыхъ съ крейсера.

Этотъ знаменитый путешественникъ на спинѣ крокодила по Нилу *) оказался и въ данномъ случаѣ большимъ шутникомъ.

И что же вышло, изъ погони за экономіей влосчастнаго угля? Не выбросили какихъ нибудь 1500 тоннъ, а теперь сожгли ихъ три тысячи, потратили золотое время и подвергли опасности крейсеръ, который къ тому же на долго былъ выведенъ изъ строя.

Будь японцы немного предприимчивѣе, они могли-бы великолѣпно разстрѣлять „Богатыря“ во всякое время.

Наконецъ 14-го Мая прибылъ во Владивостокъ собиратель инконъ, командующій безъ флота, вице-адмиралъ Скрыдловъ и начальникъ безъ эскадры вице-адмиралъ Безобразовъ.

*) Послѣ своего возвращенія изъ путешествія въ Африку, будучи еще въ полковничьемъ чинѣ, Артамоновъ рассказывалъ невѣроятныя вещи и даже о томъ, какъ ему удалось проѣхать на спинѣ крокодила во время его путешествія по Нилу. Объ этомъ даже были записки въ русской прессѣ.

Словомъ все было въ порядкѣ.

На три боевыя судна имѣлось на лицо три адмирала съ тремя штабами. Кромѣ того, на берегу еще одинъ. Итого — четыре, а надъ всѣмъ этимъ въ Мукденѣ засѣдалъ штабъ намѣстника Его Величества.

Прибывшіе штабы съ яростью приступили къ работѣ. Распоряженія отдавались самыя разпорѣчивыя, писались краспорѣчивые приказы, но въ концѣ концовъ никто не зналъ къ кому обращаться за окончательными приказаніями. Занимались пустяками, а серьезныя дѣла оставались втуне.

Иессена посадили въ „адмиральскій карцеръ“, какъ сталъ называться „Богатырь“, стоявшій въ докѣ. Здѣсь несчастный Карлъ Смѣлый*) просидѣлъ до смѣны его Безобразовымъ. Одинъ за другимъ попадали въ этотъ карцеръ провинившіеся адмиралы.

Скрыдловъ поднялъ флагъ на женской гимназіи. Безобразовъ вступилъ въ командованіе тремя оставшимися крейсерами.

*) Иессена зовутъ Карломъ и его прозвали „Карломъ Смѣлымъ“.
Авторъ.

И такъ крейсерскій отрядъ за пятимѣсячное свое существованіе получилъ четвертаго начальника — адмирала.

Такое положеніе вещей волновало морскихъ офицеровъ. Въ каютъ-компаніяхъ происходили шумныя дебаты недовольной молодежи, возмущенной полнымъ бездѣйствіемъ начальства. Рѣшено было дѣйствовать.

На крейсерѣ „Рюрикъ“ былъ старшимъ офицеромъ Н. Н. Холодовскій, который представилъ планъ новаго похода эскадры. Подлинный проэктъ Холодовскаго увезенъ въ Россію капитаномъ II-го ранга Кладомъ и, какъ говорилъ самъ авторъ его, онъ состоялъ въ томъ, что крейсера проходятъ ночью Корейскій проливъ, забираются на сѣверъ Желтаго моря къ мысу Шантунгъ въ 105 миляхъ отъ Артура и оттуда начинаютъ топить японскіе пароходы. Капитана II-го ранга Холодовскаго въ штабахъ не долюбливали. Онъ считался неблагонадежнымъ. За политическія идеи онъ былъ ранѣе разжалованъ въ нижніе чины и снова дослужился до офицерскаго чина.

Между тѣмъ матросы обожали Николая Николаевича, видя въ немъ рѣдкое исключе-

ніе среди начальствующаго морского элемента. Какъ извѣстно, Холодовскій геройски палъ въ бою 1-го Августа на крейсерѣ „Рюрикъ“.

30-го Мая эскадра вышла, взявъ направленіе въ Корейскій проливъ.

Видя полнѣйшую бездѣятельность Владивостокской эскадры, японцы уже не такъ ревностно охраняли свое транспортное сообщеніе, почему отрядъ крейсеровъ 2-го Іюня встрѣтилъ нѣсколько японскихъ транспортовъ, изъ которыхъ три были остановлены.

Очевидцы офицеры съ крейсера „Рюрикъ“ передавали мнѣ объ этомъ слѣдующее.

При входѣ въ Корейскій проливъ, въ 8 ч. утра съ „Рюрика“ замѣтили два дымка. На лѣво былъ посланъ „Громобой“, а за правымъ дымкомъ пошла „Россія“, имѣя въ кильватерѣ „Рюрикъ“.

Видя, что транспортъ намѣревается уйти, „Громобой“ открылъ огонь и удачнымъ снарядомъ, попавшимъ въ котель остановилъ бѣглеца.

„Россія“ же и „Рюрикъ“ погнались за другимъ, взявшимъ курсъ за островъ Икисима. Транспортъ оказался очень быстроходнымъ и

равстоиніе между нимъ и крейсерами мало уменьшалось.

Въ погонѣ за лаврами адмиралъ отдалъ распоряженіе, что лишь онъ будетъ стрѣлять. Открылъ огонь, но, держа цѣль по носу и не умѣя пользоваться своими углами обстрѣливанія, далъ нѣсколько перелетовъ и прекратилъ стрѣльбу.

Японецъ благополучно ушелъ.

Тогда былъ взятъ курсъ на „Громобой“, скрывшійся за пасмурностью.

Приближаясь къ послѣдному, увидѣли обломки уничтоженнаго имъ транспорта „Хитани-Мару“. „Громобой“ гнался за двумя другими транспортами. Остановивъ одного, онъ въ виду приближенія „Россіи“ и „Рюрика“ передалъ транспортъ въ ихъ распоряженіе и началъ уничтожать другой артиллерійскимъ огнемъ.

„Рюрику“ было поручено осмотрѣть остановленный транспортъ „Саду-Мару“.

Отправлены были для этого мичмана: Цавловскій и баронъ Шиллингъ. Еще по сигналу, поданному съ „Рюрика“, японцы начали спускать шлюпки, но торопились, почему сривались и падали въ море. На транспортѣ

оказались: телеграфные провода, желѣзнодорожный паркъ, понтоны, лошади, рисъ и уголь. Командѣ было предоставлено въ полтъ часа покинуть судно, а транспортные офицеры взяты въ плѣнь.

Въ каютѣ—компаніи сидѣла группа сухопутныхъ японскихъ офицеровъ, которые распивали мадеру.

На предложеніе Плазовскаго сдаться, они отвѣчали, что предпочитаютъ умереть за бутылкою вина.

Конечно ихъ оставили въ покоѣ.

Въ транспортъ была пущена мина и онъ началъ медленно крениться, послѣ чего ему послали еще мину въ другой бортъ и, успокоившись, отошли.

Удовлетворенный такимъ успѣшнымъ днемъ, Безобразовъ повернулъ обратно въ Японское море, сдѣлавъ тѣмъ непростительную ошибку.

Какъ впоследствии оказалось, въ этотъ-же день тринадцать японскихъ транспортовъ вышли изъ Средиземнаго моря и на одномъ изъ нихъ находился маршалъ Ояма. Японцы сами не были увѣрены въ томъ, что ихъ вождь не попадетъ въ руки русскихъ, а въ

Россіи вся печать кричала о захватѣ Оямы Владивостокской эскадрой. Оказалось также, что транспортъ „Саду-Мару“ благополучно добрался до Японіи и героямъ офицерамъ были возданы, заслуженныя почести. Пусти „Рюрикъ“ обѣ мины въ одинъ и тотъ-же бортъ „Саду-Мару“ и онъ загонулъ-бы непременно: вторая-же мина выправила его кренъ и лишь облегчила положеніе транспорта.

Не послѣдовали плану Холодовскаго, т. е., не прошли ночью Корейскій проливъ, за то на три четверти сократили успѣхъ эскадры.

Три штаба и начальникъ отряда хотѣли показать себя компетентнѣе „неблагонадежнаго“ капитана II-го ранга и вмѣсто грандіознаго дѣла сдѣлали кое что.

На обратномъ пути крейсера встрѣтили англійскій пароходъ „Алантонъ“, который былъ приведенъ во Владивостокъ. Подходя къ Сагарскому проливу, была осмотрѣна американская бригантина, отпущенная затѣмъ въ виду исправности. Также по неизвѣстнымъ причинамъ были отпущены два японскіе парохода.

Странное явленіе! Во Владивостокъ снаряжалась специальная экспедиція кап. II-го

ранга Виноградскимъ (Иліей*) изъ маленькихъ транспортовъ, специально для уничтоженія мелкихъ японскихъ пароходовъ и шкунъ.

Видно, что Безобразовъ былъ человѣкомъ, вполне уважавшимъ теорію раздѣленія труда.

Удовлетворенные боевыми трофеями командиры, по приходѣ во Владивостокъ, нашли необходимымъ, по крайней мѣрѣ, подольше оставаться въ гавани для переборки машинъ; но на этотъ разъ три штаба проявили свою силу и въ недѣльный срокъ предписали крейсерамъ быть готовыми къ выходу.

*) Виноградскій во время Китайскихъ безпорядковъ пріѣхалъ, получилъ орд. Владимира и уѣхалъ въ столицу. Послѣ боя 1-го Августа 1904 г. онъ получилъ Георгія, заболѣлъ нервами и уѣхалъ въ Россію лечиться.
Авторъ.

V.

Аварія миноносца. — Гордіевъ узелъ нап. 2 ранга Берлинскаго. — Безобразовъ себя выдастъ. — На авось — Не везетъ Камимурѣ. — Какъ поступали наши съ японцами? — Скрыдловъ и его друзья. — Кому повѣрялись военныя тайны. — Ловная ревизорша. — Боевая награда. — Опять походъ и новые трофеи. — Въ туманѣ. — Новый походъ. — Памятная встрѣча съ Камимурой. — «Карлу Смѣлому» не повезло.

V.

Теперь отрядъ крейсеровъ въ составѣ „Россия“, „Громобоя“ и „Рюрика“ вышелъ наветь съ транспортомъ „Лена“ и шестью миноносцами съ цѣлью атаковать Гензань. Изобразову было предписано не показываться въ виду береговъ Гензана, а выждать въ морѣ наветіи о дѣйствіи миноносцевъ. И что же? Имѣсто того, чтобы войти въ бухту ночью, миноносцы явились туда подъ утро. Натопили тамъ пароходъ и шкуну, открыли огонь по японскому кварталу и зажгли казарны. После этого они вернулись къ отряду.

Дѣло не обошлось безъ аварій.

Миноносецъ № 204 умудрился сѣсть на камень въ такой бухтѣ, какъ Гензанская, гдѣ это при всемъ желаніи устроить очень трудно.

Его стали спасать другіе миноносцы. Стащили и привели къ отряду. Командиру транспорта „Лена“, капитану II-го ранга Берлинскому, было поручено отвезти миноносець 204 во Владивостокъ, руль котораго былъ заклиненъ отъ удара и лежалъ на борть. И вотъ, вмѣсто того, чтобы свести человѣка въ воду и предпринять работу для освобожденія руля, очевидно изъ боязни японцевъ, взяли миноносець на буксиръ.

Но онъ не слушался и лѣзъ въ сторону, такъ какъ руль его оставался въ положеніи „на борть“. Тогда попробовали тащить его по борту, но и тутъ опытъ не увѣнчался успѣхомъ: — миноносець продолжалъ рваться въ море. Берлинскому надоѣла подобная возня и онъ разрѣшилъ вопросъ самымъ простымъ образомъ: — взялъ да и покончилъ съ нимъ взрывомъ.

„Лена“ и уцѣлѣвшіе миноносцы вернулись во Владивостокъ, а крейсера пошли въ Корейскій проливъ прямо въ руки къ японцамъ, которые уже знали о присутствіи у Гензана эскадры, такъ какъ получили оттуда депешу объ этомъ.

Если-бы Безобразовъ подошелъ къ Гензану въ полночь и сейчасъ-же послалъ туда миноносцы, которые, произведя развѣдку, вернулись бы еще до разсвѣта, ему бы удалось уйти, скрывъ присутствіе большихъ крейсеровъ. Теперь же этотъ флотоводецъ самъ себя устроилъ западню.

Японцы не заставили себя ждать и въ составѣ четырехъ бронированныхъ крейсеровъ и 3 крейсеровъ 2-го класса, появились съ юга изъ за острова Цусима.

Увидя непріятельскую эскадру, Безобразовъ повернулъ обратно, а японцы открыли огонь, на который наши не отвѣчали въ виду большого разстоянія.

Снаряды ложились въ полуторныхъ миляхъ на кормю, но попаданій ихъ не было. Японцы стрѣляли впродолженіи часа.

Дѣло клонилось къ вечеру. Сейчасъ-же послѣ захода солнца, съ сѣверной стороны изъ за острова Цусима показались девять японскихъ миноносцевъ, намѣревавшихся атаковать отрядъ.

Не было сомнѣнія, что они заранѣе заняли эту позицію, чтобы отрѣзать путь отступленія

русскимъ крейсерамъ. Къ счастью, миноносцы были заблаговременно замѣчены и по нимъ открыли огонь. Непріятель понесъ потери. Два непріятельскихъ миноносца, если не были окончательно потоплены, то потерпѣли значительныя аваріи. Съ крейсеровъ наблюдались два сильные взрыва.

Въ виду наступленія темноты, погоня за крейсерами прекратилась.

Отрядъ продолжалъ итти полнымъ ходомъ. Не болѣе какъ черезъ полъ часа за кормою на N—дѣ послышалась сильная конопада. Впослѣдствіи выяснилось, что японцы приняли свои миноносцы за наши, открыли по нимъ огонь и два изъ нихъ потопили.

На слѣдующій день былъ встрѣченъ англійскій пароходъ „Чельтенгамъ“ 8000 тоннъ съ желѣзнодорожнымъ грузомъ, который и былъ доставленъ во Владивостокъ.

Въ Амурскій заливъ отрядъ входилъ при полной темнотѣ. И вотъ, несмотря на горькій опытъ подъ Артуромъ, онъ отдалъ якоря въ открытомъ морѣ и при этомъ еще адмиралъ освѣтился, очевидно, полагаясь на русское „авось“, да на Николу Чудотворца.

Увидѣли тутъ всѣ, что наши отцы командиры не могутъ проходить ночью своихъ-же минныхъ загражденій и что, при такомъ положеніи вещей, прорывъ блокады дѣломъ будетъ для насъ не выполнимымъ. *)

Какъ я уже упоминалъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, Безобразовъ допесъ, что встрѣтилъ эскадру адмирала Того, когда имѣлъ все время дѣло съ отрядомъ злосчастнаго Камимуры, которому никакъ не удавалось, только влѣдствіи какой-то роковой случайности, войти въ соприкосновеніе съ Владивостокской эскадрой. Несчастнаго Камимуру громила вся японская пресса. Надъ нимъ глумился народъ. Но увы! кака-бы судьба постигла этого адмирала, разъ русскіе флотоводцы, были-бы на высотѣ своего назначенія!

Вмѣсто побѣдоносныхъ лавровъ, о которыхъ такъ мечталъ Безобразовъ, его за этотъ блестящій походъ посадили въ адмиральскій карцеръ на „Богатырь“, а выпущенный на свободу Иессенъ вступилъ въ командованіе отрядомъ.

*) Съ успѣхомъ можно было выслать катеръ съ сигнальными огнями для указанія пути.

И такъ Владивостокская эскадра въ пятый разъ перемѣнила своего начальника.

Нельзя не отмѣтить еще одного факта. Сами офицеры Владивостокской эскадры сознались, что съ японцами, искавшими спасенія при потопленіи судовъ, обращались крайне безчеловѣчно!

На глазахъ у русскихъ моряковъ тонули люди, взывающіе о спасеніи. Многихъ цѣпляющихся за трапы, по приказанію офицеровъ, матросы сбрасывали въ воду! Мичманъ Терентьевъ съ „Рюрика“, спасенный послѣ боя врагомъ, съ злорадствомъ рассказывалъ въ плѣну объ этомъ, передавая отвратительныя подробности.

Такъ поступала „культурная“ Европейская нація. Были, впрочемъ, офицеры, глубоко возмущавшіеся подобными порядками, господствовавшими на эскадрѣ.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось въ правящихъ морскихъ сферахъ во Владивостокѣ.

Вице-адмиралъ Скрыдловъ, поднявшій свой флагъ на женской гимназій, чувствовалъ себя великолѣпно. Ежедневно по вечерамъ онъ со своимъ штабомъ забирался въ шанталъ и

проводилъ тамъ время до глубокой ночи въ пьянствѣ и развратѣ.

Такому примѣру командующаго флотомъ охотно слѣдовали прочіе офицеры.

Они теперь высоко держали головы, благодаря мелкимъ успѣхамъ крейсерскаго отряда въ сферѣ беззащитныхъ коммерческихъ и транспортныхъ судовъ, почему кутили, какъ говорится, во всю.

Конечно трудно бы было бросить обвиненіе тѣмъ, которые послѣ долгаго похода, окунались въ шумную шантанную жизнь Владивостока, но господамъ штабнымъ и портовымъ дармоѣдамъ съ откормленными адмиралами во главѣ, стыдно такъ проводить время, какъ это дѣлали они.

Лучшими друзьями Скрыдлова, которымъ повѣрялись всѣ тайны были шансонетки и попросту проститутки, дарившія свои ласки конечно не раг атоуг „народному герою“.

Офицеры эскадры почерпали всѣ распоряженія и планы начальства отъ разныхъ Каролинъ, Сонекъ, Лелечекъ, Катюшъ и т. д.

Въ особенности эти дамы были заинтересованы о днѣ ухода или прихода крейсеровъ,

съ пребываніемъ которыхъ во Владивостокѣ были связаны ихъ матеріальные интересы. Между тѣмъ это то именно тщательно скрывалось отъ офицеровъ отряда, но подѣ большимъ секретомъ передавалось веселымъ дѣвицамъ. Въ свою очередь, тѣ не могли не подѣлиться такой интересною тайной съ кѣмъ либо изъ своихъ молодыхъ корабельныхъ обожателей.

„Надо пойти къ Женѣ узнать, когда мы снова уходимъ въ море!“ заявилъ молодой мичманъ, собираясь на берегъ.

Конечно, не мало разныхъ тайнъ попадало черезъ эти женскія губки къ японцамъ, имѣвшимъ повсюду своихъ ловкихъ шпионовъ.

Женщина и при этомъ самаго грязнаго разряда играла важную роль во Владивостокѣ и имѣла огромное вліяніе на судьбы многихъ офицеровъ.

Такъ, напримѣръ: ревизоръ „Россія“ мичманъ Эрнта привезъ изъ Харбина какую-то особу, которую выдавалъ за свою сестру, что не мѣшало ему жить съ ней по супружески.

Эта хорошенькая квази сестра покорила любвеобильное сердце Скрыдлова. Однажды за

ужиномъ, когда адмираль усиленно добивался ея ласки, она вдругъ обращается къ нему съ вопросомъ: исполнить ли онъ ея просьбу.

— Все что угодно, отвѣчаетъ тотъ.

— Дайте моему брату „два ордена“, но непременно съ мечами и бантомъ!

Это было еще до столкновений съ Камимурой.

— Есть! отвѣчаетъ адмираль.

— Ну въ такомъ случаѣ цѣлуйте и она подставляетъ Скрыдлову губки.

На слѣдующій день мичманъ получаетъ орденъ святого Станислава съ мечами и бантомъ, а черезъ мѣсяць Анну.

Этотъ герой вскорѣ за какое-то грязное дѣло попадаетъ подѣ судъ общества офицеровъ и изгоняется со службы.

И такихъ примѣровъ не мало.

Хорошо, весело жилось Скрыдлову во Владивостокѣ. Нечего и говорить, что онъ и не думалъ собираться въ П.-Артуръ, гдѣ такъ ожидали этого „героя“.

Когда я получилъ приказаніе главнокомандующаго прорваться черезъ блокаду въ осажденную крѣпость и былъ на борту слав-

наго миноносца „Лейтенантъ Бураковъ“, бывшаго въ Инкоу, мы были задержаны на 12 слишкомъ часовъ изъ за за переговоры Алексѣева со Скрыдловымъ по поводу его отправки въ Артуръ. Конечно, Скрыдловъ не поѣхалъ, а миноносецъ, благодаря проволочкѣ, едва не сдѣлался жертвою японцевъ.

На пересѣчку нашего курса шли японскіе крейсера и лишь только опытъ командира лейтенанта Долгобородова, далъ возможность прорвать и на этотъ разъ непріятельскую блокаду.

4-го Юля внезапно былъ поднятъ сигналъ: «крейсерамъ готовиться къ походу».

На этотъ разъ, внѣ обыкновенія, дѣло обошлось безъ предварительныхъ сплетенъ и пересудовъ о предстоящемъ походѣ. Даже командиры были огорошены и сдѣлали кислыя гримасы.

Вышли днемъ и взяли курсъ въ Сангарскій проливъ, рассчитывая пройти его ночью. Не доходя пролива, когда было еще свѣтло, адмиралъ остановилъ эскадру, потребовалъ къ себѣ командировъ, которымъ далъ четыре *tendez vous* на случай расхожденія. Въ преж-

не походы такого важнаго акта почему то не предусматривалось. Подъ вечеръ, при входѣ въ проливъ, адмиралъ почему-то измѣнилъ своему рѣшенію и отрядъ малымъ ходомъ сталъ подходить къ проливу и лишь съ разсвѣтомъ началъ прохожденіе его.

При проходѣ черезъ проливъ были встрѣчены два японскихъ парохода. Одинъ былъ потопленъ и люди съ него отправились къ берегу въ своихъ шлюпкахъ; другой-же, въ виду присутствія женщинъ и дѣтей, отпущенъ на волю. Кромѣ того были потоплены двѣ шкуны и послѣ осмотра отпущенъ англійскій угольщикъ, какъ вполне исправный. Затѣмъ отрядъ пошелъ на югъ вдоль береговъ Японіи, встрѣтилъ германскій пароходъ „Арабія“ и отправилъ его съ призовою командой во Владивостокъ.

Подойдя къ третьему *tendez-vous*, немного сѣвернѣе Токійской бухты, адмиралъ началъ тревожиться по поводу чрезмѣрнаго расхода угля.

Получалось это потому, что командиры въ утреннихъ рапортахъ показывали расходъ его больше нежели на самомъ дѣлѣ, полагая, та-

кимъ образомъ, что адмираль, испугавшись возможности остаться безъ топлива, скорѣе повернетъ во Владивостокъ, гдѣ, конечно, спокойнѣе живется, нежели во вражескихъ водахъ.

Дуль свѣжій вѣтеръ, разводя небольшую зыбь. Съ адмиральскаго корабля подняли сигналъ: „не находятъ-ли командиры возможнымъ прибыть на „Россію“. Покосились отцы командиры на волнующееся море и отказались. Командиръ „Громобоя“, капитанъ I-го ранга Дабичъ, сообщилъ, что чувствуетъ себя нездоровымъ, а Трусовъ, такъ тотъ откровенно заявилъ, что считаетъ это невозможнымъ, благодаря сильной зыби.

Много смѣялись по поводу этого офицеры крейсеровъ.

Такъ свиданіе съ адмираломъ и не состоялось.

Отрядъ продолжалъ держать свой курсъ на югъ. 11-го Іюля потопилъ двѣ японскія шкуны, а также англійскій пароходъ „Найтъ Командоръ“ и германскій „Теа“.

При обратномъ движеніи крейсеровъ на сѣверъ былъ захваченъ англійскій пароходъ „Калхасъ“ и съ призовой командой отправленъ во Владивостокъ.

Подходя къ Курильскимъ островамъ, отрядъ былъ окутанъ туманомъ и нѣкоторое время продержался около пролива Пико-Ченель. Но въ виду того, что туманъ упорно не расходился, то крейсера свернули на S. W. съ цѣлью возвращаться черезъ Сангарскій проливъ. На протяженіи всего пути до послѣдняго, туманъ не переставалъ сопровождать отрядъ и, не смотря на то, крейсера держались соединенно въ двухъ трехъ кабельтовыхъ другъ отъ друга. При этомъ надо замѣтить, что курсы часто мѣнялись.

Такая солидарность являлась слѣдствіемъ частыхъ походовъ отряда. Появилась опытность, практика сдѣлала свое. Какъ жаль, что ея такъ мало было въ мирное время.

Въ Сангарскомъ проливѣ тумана уже не было и справа около Хагодате съ крейсеровъ увидѣли тринадцать старыхъ японскихъ боевыхъ судовъ, шедшихъ параллельно нашему отряду. Слева же виднѣлись канонерскія лодки. Не трогая ихъ, отрядъ, миновавъ проливъ, взялъ курсъ на Владивостокъ куда и прибылъ 19-го Іюля.

Опять не повезло отцамъ командирамъ. Только лишь расположились они на отдыхъ

и представили доводы о необходимости почиститься да подчиниться, какъ 30-го Юля съ разсвѣтомъ крейсерамъ было приказано итти въ походъ.

Едва отошелъ отрядъ на 40 миль отъ порта, какъ адмираломъ былъ поднятъ сигналъ: „Артурская эскадра сражается съ неприятелемъ“.

Взяли курсъ на Корейскій проливъ. Съ разсвѣтомъ 1-го Августа были замѣчены 4 японскіе бронерованные крейсера изъ эскадры Камимуръ: „Идзума“, „Ивата“, „Токива“ и „Адзума“. Они держали курсъ на S и шли сѣвернѣе русскаго отряда.

Адмиралъ повернулъ на непріятельскую эскадру и около пяти часовъ утра грянулъ выстрѣлъ съ „Идзума“. Бой загорѣлся на паралельныхъ галсахъ и какъ извѣстно окончился потопленіемъ „Рюрика“ и бѣгствомъ расколоченныхъ японской артиллеріей „Россія“, и „Громобоя“.

Какъ говорили японцы, они открыли нашъ отрядъ, благодаря кильватернымъ огнямъ — особенно большимъ на „Громобоѣ“.

Всестороннее описаніе боя „Рюрика“ мною было напечатано въ Харбинѣ по возвращеніи изъ плѣна и имѣется въ отдѣльной брошюрѣ.

Дралась Владивостокская эскадра и въ особенности „Рюрикъ“ изумительно, но отсутствіе подготовки сказались и здѣсь. Наши моряки несоизмѣримо стояли ниже въ мѣткости артиллрейскаго огня, по сравненію съ противникомъ.

Какъ-же поступили японцы съ выловленными изъ воды Рюриковскими героями? Припомнили ли они имъ потопленные суда и презрѣніе къ молящимъ о спасеніи?

Всѣ плавающіе русскіе были вытащены изъ воды и окружены самымъ изысканнымъ попеченіемъ.

Такъ кончила свое существованіе Владивостокская эскадра.

„Карлу Смѣлому“ не повезло.

VI.

Нѣсколько словъ о личномъ составѣ.
— Питомникъ русскаго флота. — Новое
поколѣніе. — Современный флотскій офи-
церъ. — Что дѣлали отцы командиры. —
Старшій офицеръ.

VI.

Какъ ни грустно, а приходится сознаться что личный составъ нашего флота оказался, какъ это наглядно доказала минувшая война, далеко не на той высотѣ, на которой именно долженъ быть офицерскій составъ и команды каждаго военнаго флота.

Не было ни надлежащихъ руководителей, ни опытныхъ, смѣлыхъ командировъ, ни энергичной хорошо подготовленной молодежи, всесторонне ознакомленной съ запутанной техникой сложнаго морскаго дѣла.

Правда, среди молодыхъ и отчасти старыхъ моряковъ, были люди, которые беззавѣтно жертвовали своей жизнью, отважно шли на встрѣчу неприятелю и проявили свою доб-

лесть, отстаивая сухопутный фронтъ Артура, но, увы! не было моряковъ.

„Рюрикъ“, „Стерегущій“, „Дмитрій Донской“, „Ушаковъ“, „Свѣтлана“ съ ихъ доблестными экипажами составляютъ рѣзкое исключеніе среди сѣренькой массы нашего „доблестнаго“ флота.

Странное явленіе! Морякъ оказывается прекраснымъ офицеромъ на сушѣ: онъ и ведетъ баталіоны въ атаку, защищаетъ подъ адскимъ огнемъ одиннадцати дюймовыхъ снарядовъ, порученную ему позицію, ведетъ артиллерійскій бой съ непріателемъ, геройски умирая на батареяхъ, въ окопахъ, и во время штурмовъ.

Но въ морѣ, на своемъ родномъ кораблѣ, онъ какъ будто въ совершенно чуждой ему сферѣ. Тутъ онъ сразу-же проявляетъ неувѣренность въ свои силы, какую-то необъяснимую нерѣшительность и теряетъ голову въ моментъ, когда присутствіе духа зачастую можетъ оказать великую поддержку, а то и прямо спасти все дѣло, находившееся на краю гибели.

Чѣмъ-же объяснить подобное ненормальное явленіе, гдѣ искать корень зла, такъ прочно засѣвшій въ средѣ русскихъ моряковъ.

Нечего и говорить, что главная причина разложенія нашего флота, это гнилой государственный строй, благодаря которому создался и дряблый питомникъ, именующійся морскимъ кадетскимъ корпусомъ. Этотъ питомецъ избалованныхъ дворянскихъ и сановныхъ сынковъ, выпускавшій во флотъ шалопаевъ, шаркуновъ, развратниковъ и только карьеристовъ, совершенно не стоялъ да и не стоитъ на той высотѣ, на каковую должно быть поставлено подобное учебное заведеніе.

По призванью ли пошли на службу все эти блестящіе мичманы и лейтенанты? Какое призванье можетъ быть почти у ребенка когда его отдають въ корпусъ. А отдають потому, что это модно, что положеніе моряка несравненно было выше, нежели сухопутнаго офицера. Нравится простая, элегантная форма, веселая разгульная жизнь и прочее.

При этомъ двери корпуса были открыты исключительно дворянамъ; даже и ранѣе,

когда принимались въ морское училище и другія сословія, то дворянамъ оказывалось предпочтеніе и часто способные юноши, не принадлежащіе къ послѣднимъ, оставались за флагомъ.

Такимъ образомъ нашъ флотъ вмѣсто того, чтобы имѣть дѣйствительныхъ работниковъ офицеровъ, переполнился элементомъ совершенно чуждымъ истиннымъ интересамъ родины.

Совсѣмъ иное было-бы дѣло, разъ корпусъ этотъ явился-бы учебнымъ заведеніемъ все-сословнымъ.

Сколько талантовъ скрывается въ нашей крестьянской средѣ, сколько ученыхъ, мыслителей, недюжинныхъ генераловъ дала она Россіи.

Ну вотъ, хоть бы Макаровъ! вѣдь онъ не отъ дворянъ пришелъ служить нашему флоту. — Покойный происходилъ изъ простой крестьянской среды.

Наконецъ, посмотрите на нашихъ инженеръ механиковъ, или на офицеровъ Черноморскаго флота, вышедшихъ изъ упраздненныхъ юнкерскихъ классовъ. Ну право же они куда стоятъ

выше „корпусныхъ“ офицеровъ. Справтесъ у любого командира, вамъ это скажетъ всякій.

А что-же сдѣлало поколѣніе, созданное новыми морскими традиціями?

Наши „красавцы“ корабли стали какимъ-то законнымъ мѣстомъ для пикниковъ съ дамами.

Въ каютъ—компаніяхъ рѣдкою полилось шампанское, а съѣзжая на берегъ, морской офицеръ побивалъ рекордъ въ кутежахъ и безобразіяхъ. Молодежь съ отвращеніемъ приступаетъ къ занятіямъ съ матросами. Въ плутогахъ наблюдаются скучающіе мичмана. Рѣдкій изъ молодыхъ офицеровъ знакомъ съ сигнализацией и семафоромъ. Хороши же они должны быть въ бою въ случаѣ убыли сигнальщиковъ.

Приказы Рождественскаго свидѣтельствуютъ о томъ, что наши офицеры не знали семафора, даже подходя къ Японскому морю. Съ увѣренностью можно сказать, что любой комендоръ зналъ лучше свое орудіе и обращеніе съ нимъ, нежели его плутоновый мичманъ.

Современный молодой офицеръ, вырвавшись изъ душныхъ стѣнъ корпуса, не видя поощренія со стороны командировъ въ разви-

тѣи своихъ, далеко несовершенныхъ познаній и находя службу черезчуръ монотонной и безмысленной, скоро сходитъ съ пути своего прямого назначенія. Охваченный шумнымъ водоворотомъ береговой жизни, проводитъ онъ бессонныя ночи среди ослѣпительнаго блеска бальныхъ залъ, наполненныхъ благоухающими женщинами, въ кафэ-шантанахъ и различныхъ притонахъ, подтачивающихъ его молодя силы, туманящихъ свѣжія головы и губящихъ здоровье, столь необходимое въ тяжелой дѣятельности моряка.

Скудные часы, неохотно удѣляемые на несеніе службы и занятія съ командами, считаются за самое ужасное время въ жизни молодого мичмана или лейтенанта.

Его голова далека отъ надоѣвшихъ до омерзенія заученныхъ давно наизусть морскихъ терминовъ и названій частей орудій различныхъ системъ и калибровъ, которыя теперь приходится вдалбливать въ „тупыя“ головы матросовъ. Онъ мыслями витаетъ тамъ, въ уютномъ будуарѣ той или другой изъ мѣстныхъ львицъ, подавшихъ ему надежды на розовое счастье. Онъ обдумываетъ туалетъ,

въ которомъ долженъ предстать передъ своей повелительницей.

Вопросъ о воротничкахъ и манжетахъ, этотъ самый большой вопросъ современнаго морского офицера, какъ разъ рождается въ его головѣ, когда „тупоумная“ команда не можетъ усвоить себѣ, что „пушка калибромъ въ 10 дюймовъ длиною въ 45 калибровъ“.

Онъ сердится, расточая самые нелестные комплименты своимъ ученикамъ и, вдругъ, мысленно остановившись на модномъ воротничкѣ лейтенанта С., который засѣлъ въ его памяти на балу у адмирала, нетерпѣливо смотритъ на дорогіе, золотыя часы съ цѣпочкой, увѣшанной массою брелоковъ, прекращаетъ занятія и спѣшитъ въ каютъ кампанію, гдѣ ждетъ его вкусный и сытный обѣдъ и веселая бесѣда съ товарищами о бурно проведенной ночи наканунѣ и о предстоящемъ танцевальномъ вечерѣ или пикникѣ.

Вызываетъ, что за бутылкой вина рѣшаются вопросы русскаго флота. Незнакомому съ настоящимъ положеніемъ вещей пришлось бы поражаться: какіе опытные и всесторонне посвященные въ свое искусство молодые русскіе моряки.

Какъ любятъ и интересуются они своимъ дѣломъ, какъ горячо преданы ему, эти будущіе руководители мощныхъ броненосцевъ, крейсеровъ и цѣлыхъ отрядовъ. Но кончилась трапеза, исчезли опустѣвшія бутылки, разѣхались на берегъ ораторы и не осталось слѣда отъ шумныхъ преній, поднявшихся такъ себѣ, для порядку, какъ все вообще въ жизни военнаго корабля.

Немудрено, что при подобной жизни не можетъ укрѣпляться столь необходимая для моряка любовь къ кораблю и морю; напротивъ — онъ смотритъ на свое судно, какъ на тюрьму какую-то и рвется на берегъ при первой-же возможности, какъ рыба, выброшенная на землю, стремится упрыгнуть снова въ прохладныя морскія волны.

Измышляя самые невѣроятные покровы бальнаго сюртука, коверкая изящную и простую форму морского офицера до неузнаваемости, щеголяя лакированными ботинками и галстуками, специально выписываемыми изъ за-границы, молодой морякъ постепенно начинаетъ терять видъ морского офицера и мало по малу уподобляется модной кокеткѣ, холящей

свое тѣло и только мечтающей о нарядахъ, нарядахъ и нарядахъ.

Огромнаго жалованья, очевидно, не хватаетъ на эту беззаботную безумно веселую жизнь и вотъ начинаются заборы у ревизора въ счетъ будущихъ благъ, а тамъ, при заступленіи на нѣкоторыя должности и, столь свойственныя въ морской средѣ, злоупотребленія.

И вотъ проходятъ годы незамѣтно съ невѣроятной быстротою. Вмѣсто одной, на погонахъ его сияетъ три звѣздочки. Онъ лейтенантъ — лицо отвѣтственное, получающее зачастую самостоятельное назначеніе. Учиться приходится ужъ по необходимости. Но лѣнь наѣла, чувствуется преждевременная усталость, какая-то апатія ко всему. И вотъ не хотя, черезъ силу, волей не волей, берется онъ за новое дѣло и несетъ свою службу съ единственною мыслью; отплавать *) цензъ и съ рукъ долой.

Но было-бы грѣшно огуломъ обвинять всю нашу морскую молодежь въ подобномъ отно-

*) Скорѣе „отбыть“, т. е. нѣкоторые суда совершали „плаваніе“ стоя на якорѣ.

шеніи къ своему долгу. Не много, правда, но исключенія есть и среди старыхъ моряковъ, и молодого, зрѣющаго состава.

Эти люди, любящіе морское дѣло, изученію котораго посвятили они свои молодые годы, страдающіе за постановку его въ нашемъ флотѣ, неутомимо работаютъ, стараются проникнуть во всѣ тайны сложнаго военноморского искусства. Болѣютъ они за правдивое разложеніе своихъ товарищей и потерявъ, наконецъ, терпѣніе, не стѣсняются громогласно заявлять о пагубномъ направленіи, ведущемъ не къ возрожденію, а къ окончательной гибели наше морское дѣло.

Черезчуръ ничтожно только число этихъ честныхъ труженниковъ, не равны ихъ силы въ борьбѣ съ морскою бюрократіей и блюстителями грабежа и произвола, именующимися „хранителями морскихъ традицій“.

Голоса тѣхъ честныхъ людей терялись въ общемъ гамѣ протеста корпораціи, окружившей себя непроницаемой броней для внѣшняго міра.

Но вотъ грянулъ громъ. Роговые событія сдѣлались достояніемъ всего свѣта и, рас-

напался вдругъ, броня обнажила отвратительную картину дѣйствительности.

Умолкли надменные голоса хвастливой, наивнѣйшей корпораціи, смущенной неожиданнѣйшимъ, небывалымъ погромомъ и среди воцарившейся тишины раздались правдивыя, честныя рѣчи тѣхъ, которые такъ долго заглушались сонмомъ хранителей роковой тайны морского вѣдомства.

Правда вырвалась наружу и сдѣлается народнымъ достояніемъ....

И такъ, мы сказали, что, выброшенная изъ корпусныхъ стѣнъ, молодежь въ дальнѣйшей службѣ была предоставлена самой себѣ.

Но что же въ такомъ случаѣ дѣлали отцы командиры?

Не на ихъ ли обязанности лежала серьезная задача воспитанія молодежи. Не они ли, получая подъ свое начальство юношей 19—20 лѣтъ, должны были заботиться о развитіи въ ихъ существахъ любви и преданности къ тяжелому дѣлу моряка?

Но увы! отцамъ командирамъ было не до того. Они были черезчуръ завалены хозяйственной работой, да, наконецъ, большинство

ихъ, какъ люди старые, дослуживавшіе свой пензъ, только и мечтали объ адмиральскихъ погонахъ и благополучномъ выходѣ въ отставку. Гдѣ имъ было еще возиться надъ воспитаніемъ молодого состава корабля.

Конечно, въ этомъ отношеніи командирскіе пробѣлы могли-бы пополнить, такъ называемые, старшіе офицеры судовъ, но при условіяхъ, въ которыхъ находится эта должность въ нашемъ флотѣ, старшій офицеръ для этого положительно не имѣетъ времени.

Вѣдь нѣтъ на кораблѣ никого несчастнѣе этого человѣка.

Уборка ли, скатываніе палубы, отправка команды на берегъ, прибытіе каждой шлюпки, не говоря уже о начальствующихъ лицахъ,— все совершается при старшемъ офицерѣ. Рес-тораторъ, Кокъ *) и тѣ не могутъ съѣхать на берегъ безъ его разрѣшенія.

И днемъ и ночью постоянно тревожатъ старшаго офицера, а тутъ онъ еще является хранителемъ порядка въ каютъ—компаніи и разбираетъ недоразумѣнія, случающіяся въ

Кокъ — поварь.

офицерской средѣ. Конечно, всѣ его мечты направлены на то, чтобы скорѣе отплавать пензъ и получить кандидатуру на командирство.

И такъ, какъ брошенное на произволъ судьбы малое дитя, развивалось и продолжаетъ развиваться поколѣніе моряковъ, не видя со стороны старшихъ, кромѣ равнодушнаго отношенія къ службѣ и работѣ передъ начальствомъ, другого болѣе благодѣтельнаго примѣра.

VII.

Къ чему стремились наши моряки. —
Контръ-адмиралъ Матусевичъ. — Капи-
танъ 1-го ранга Сарычевъ. — «Воздуш-
ный корабль». — Прапорщикъ Лагидзе. —
Контръ-адмиралъ Витгефтъ и генералъ
Стессель. — Тасовка командировъ. — До-
рогой капитанъ 2-го ранга.

VII.

И такъ, мы видѣли, что зрѣющая часть личнаго состава русскаго флота, лишенная направляющаго элемента была предоставлена самой себѣ. Командиры не желали утруждать себя воспитаніемъ молодежи, да и не могли-бы преуспѣть въ этомъ при всемъ своемъ желаніи, такъ какъ не обладали необходимыми качествами для такого серьезнаго и тяжелаго дѣла.

Въ стремленіяхъ только къ наживѣ путемъ самыхъ возмутительныхъ хищеній казенныхъ денегъ и имущества, прикрываясь наружнымъ блескомъ и бутафорскою военною подготовкой, они мало по малу превращались въ какихъ-то подрядчиковъ, биржевыхъ маклеровъ, все

больше и больше отставая отъ морской техники.

Прежде чѣмъ коснуться темной дѣятельности командировъ въ области судового хозяйства, мы считаемъ не лишнимъ предложить читателю нѣсколько конкретныхъ примѣровъ, вполне характеризующихъ классъ этихъ дѣятелей, въ рукахъ которыхъ находились колоссальныя государственныя средства, честь родины и тысячи жизней русскихъ гражданъ.

Сейчасъ-же послѣ гибели „Петропавловска“, „Побѣда“ вошла въ восточный бассейнъ и ошвартовалась подъ Золотою горою. Контръ-адмиралъ князь Ухтомскій немедленно же прибылъ на этотъ броненосецъ и поднялъ свой флагъ, какъ временно главнокомандующій флотомъ, заступившій мѣсто погибшаго Макарова. Въ обязанности начальника его штаба вступилъ контръ-адмиралъ Матусевичъ.

Этотъ халифъ на часъ первымъ же долгомъ потребовалъ къ себѣ ревизора „Побѣды“, мичмана Измайлова и приказалъ *сейчасъ-же* принести ему денежное довольствіе, каковое положено по новой его должности.

Придя въ каютъ компанію, Измайловъ не могъ не подѣлиться своимъ негодованіемъ съ

товарищами. Адмиралъ, заботящійся о своемъ карманѣ въ такое трагическое время и не переждавшій нѣсколькихъ часовъ для полученія денегъ, причитающихся ему, благодаря ужасной утратѣ, понесенной Россіей, произвелъ на всѣхъ удручающее впечатлѣніе.

Какая рѣзкая противоположность: тутъ адмиралъ радуясь новой получкѣ, спѣшитъ сворѣе вырвать у казны триста рублей, а тамъ на батарее Тигроваго полуострова, очевидецъ ужасной катастрофы, штабсъ-капитанъ артиллеріи Карповъ, сходитъ съ ума отъ потрясающей души картины.

Этотъ офицеръ, при видѣ гибели „Петропавловска“, упалъ съ бруствера, а когда очнулся, то прятался по угламъ и обводя присутствующихъ дикимъ взглядомъ, въ ужасѣ мотворялъ: — вотъ Петропавловскъ... Петропавловскъ... Глядите!.. Идетъ!.. ко дну идетъ... Макаровъ...

А вотъ еще одинъ типъ, *достойный* вниманія.

Передъ вами высокаго роста представительный капитанъ перваго ранга, украшенный цѣлымъ рядомъ боевыхъ орденовъ и даже

золотымъ оружіемъ. Это — Сарычевъ командиръ несчастнаго „Боярина“, брошеннаго своимъ экипажемъ и безславно погибшаго 29-го или 30-го Января, а можетъ быть и позже—точно установить наши моряки не могли.

Погибъ „Бояринъ“ при слѣдующихъ условіяхъ:

28-го Января 1904 г. минный транспортъ „Енисей“ отправился на разстановку минъ въ Дальнинскомъ рейдѣ. О мѣстѣ нахождения японской эскадры никто не имѣлъ никакого представленія, такъ какъ серьезной развѣдки не производили.

Все дессанты ходили къ бухтѣ „Бѣлый Волкъ“, гдѣ ожидался прорывъ неприятеля. Генералы и адмиралы страшно волновались. Ожидали японцевъ со всехъ сторонъ и нигдѣ не готовились, какъ слѣдуетъ.

За „Енисеемъ“ былъ посланъ крейсеръ I-го класса „Бояринъ“. Лишь только онъ снялся съ якоря, какъ къ нему подошелъ портовой катеръ съ флагъ офицеромъ, мичманомъ Шмидтъ, передавшемъ командиру крейсера пакетъ.

Не вскрывая этого пакета, Сарычевъ положилъ его въ каюту и далъ ходъ въ 16 съ половиною узловъ. Такъ о пакетѣ и было понабыто. Темнѣло. Подходя къ острову Саншину, „Бояринъ“ наскочилъ на мину, получилъ пробоину и сталъ слегка крениться. Средняя котелгарка оказалась затопленной, людей обварило паромъ и потухло электричество. Благодаря энергіи механиковъ, вскорѣ оно загорѣлось вновь.

Спустили гребные суда. Подошедшіе два миноносца, изъ которыхъ одинъ былъ „Властный“, взяли команду. Сарычевъ приказалъ всемъ уходить съ крейсера. Часть офицеровъ протестовала, не желая покидать своего корабля, ихъ примѣру послѣдовали и матросы. Командиръ разсвирѣпѣлъ и потрясая револьверомъ, грозилъ застрѣлить того, кто не сойдетъ съ „Боярина“.

Сказалась обычная нерѣшительность русскихъ офицеровъ и трепеть за собственную шкуру. Командиръ одного изъ миноносцевъ предложилъ взять „Боярина“ на буксиръ, на что Сарычевъ не согласился и какъ старшій

въ чинѣ приказалъ миноносцамъ идти въ Портъ-Артуръ.

Брошенный корабль продолжалъ плавать и на другой день его видѣли съ берега охотничьи команды. Нѣсколько стрѣлковъ 13-го В. С. стрѣлковаго полка побывали на борту сиротки крейсера и привезли разныя вещи.

Подошедшій къ „Боярину“, капитанъ I-го ранга Матусевичъ отдалъ его якоря, но привести почему то не могъ.

Вскорѣ „Бояринъ“ былъ сорванъ съ якорей и занесенъ въ бухту, но оттуда онъ снова понесся, гонимый вѣтромъ въ открытое море.

Какъ гласило, донесеніе онъ былъ позднеѣ взорванъ двумя японскими миноносцами, но какъ оказалось на самомъ дѣлѣ, по просту этотъ „воздушный корабль“ наскочилъ снова на мину и затонулъ.

Компанія морскихъ офицеровъ съ механикомъ Анищенко во главѣ, предлагали спасти брошенный крейсеръ, но Портъ, въ лицѣ контръ-адмирала Григоровича, не далъ на то средствъ.

Что-же произошло съ храбрымъ Сарычевымъ ?

Послѣ капитуляціи П.-Артура, гдѣ онъ просидѣлъ осаду въ прочномъ блиндажѣ, этотъ герой отправился въ плѣнъ и вернувшись на родину, благополучно воспользовался всѣми царскими милостями, ниспосланными на головы артурцевъ.

На сколько собственная инициатива командировъ и офицеровъ была парализована во флотѣ не только среди военного элемента, но и на судахъ гражданскаго вѣдомства, поступившихъ въ распоряженіе Порты, видно изъ слѣдующаго случая.

Когда погибалъ „Енисей“, наскочившій на мину, въ Дальнемъ стояли нѣсколько пароходовъ Восточнаго Китайскаго пароходства. Одинъ изъ командировъ этихъ пароходовъ, г. Лагидзе, пошелъ спасать утопающихъ людей. Спасено ихъ было очень много. Директоръ пароходства хотѣлъ смѣстить Лагидзе за помощь „Енисею“ безъ его разрѣшенія. Вслѣдствіе подобнаго отношенія начальства, Лагидзе пошелъ на военную службу прапорщикомъ.

Впослѣдствіи на Курганной батарее онъ получилъ Георгія 2-ой степени, какъ утверждають товарищи, вполне заслуженно.

отъ бездѣтельности и знаю, что меня осуждаютъ даже въ морскихъ сферахъ.

Пусть Стессель заявитъ мнѣ, что для спасенія Артура я долженъ уйти и я пойду, хотя это и будетъ въ разрѣзъ моимъ соображеніямъ. Есть еще очень важная причина, заставляющая меня медлить съ выходомъ. Командовать эскадрой вообще вещь не легкая, а въ бою—еще необходимо имѣть прекрасную для того подготовку, которой я, къ сожалѣнію, не имѣлъ.

Вѣдь большая часть моей службы прошла въ штабной работѣ, какой-же я начальникъ эскадры.

Нѣсколько разъ я просилъ намѣстника замѣнить меня кѣмъ либо изъ болѣе опытныхъ офицеровъ, указывалъ даже ихъ. Вотъ когда вы будете на сѣверѣ, то еще разъ напомните адмиралу о моей просьбѣ. Стесселю же, скажите, что я выйду при условіяхъ уже вамъ сообщенныхъ, или по полученіи приказанія отъ государя. И если суждено будетъ, то умру, какъ подобаетъ умереть русскому воину.

На счетъ-же отправки черезъ блокаду миноносца, мы сообщимъ въ штабъ за нѣсколько часовъ до его отхода.

По крайней мѣрѣ этотъ сѣдовласый старикъ не стѣснялся признаваться въ полной своей непригодности и сдержалъ свое слово, встрѣтивъ спокойно смерть въ бою со врагомъ.

Какъ бюрократъ, Витгефтъ былъ большимъ формалистомъ и дѣйствовалъ зачастую въ ущербъ дѣлу. Примѣромъ тому можетъ служить фактъ, записанный мною уже въ плѣну, со словъ командира крейсера „Баянъ“, капитана II-го ранга Иванова.

„На канунѣ выхода эскадры 10 Іюня, я командовалъ „Амуромъ“ и былъ совершенно боленъ. Меня трясла тропическая лихорадка, почему пришлось даже подать рапортъ о боленіи. Вдругъ получаю приказаніе явиться къ адмиралу. Конечно, пошелъ и засталъ у него командира „Паллады“, капитана II-го ранга Сарнавскаго и капитана I-го ранга Алексѣева.

Оказалось, что командиръ „Побѣды“ Зацаренный заболѣлъ и на его мѣсто теперь назначили командира „Паллады“ Сарнавскаго.

Какъ капитану I-го ранга Алексѣву было предложено принять командованіе, но онъ отвѣчалъ, что незнакомое судно не можетъ принимать наканунѣ боя и что, наконецъ, намѣстникомъ еще былъ ему обѣщанъ отдыхъ на берегу.

Послѣ отказа Алексѣева, принять броненосецъ пришлось Сарновскому, а крейсеръ былъ предложенъ мнѣ. Я согласился и вступилъ въ командованіе совершенно мнѣ незнакомымъ крейсеромъ, при этомъ стоявшемъ два мѣсяца въ докѣ и выведеннымъ оттуда далеко не въ исправномъ видѣ.

При выходѣ, когда былъ положенъ руль на бортъ, крейсеръ не слушался, такъ что пришлось въ самомъ проходѣ отдать якоря. Команда и офицеры, лишенные практики въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, отстали отъ дѣла.

При возвращеніи эскадры, крейсеръ шелъ въ хвостъ и на него обрушились всѣ минные атаки японцевъ. Благодаря удачнымъ эволюціямъ, удалось увернуться отъ минъ. Изъ подобной тасовки командировъ съ непремѣннымъ соблюденіемъ старшинства для назначенія командовать судномъ извѣстнаго ранга, по-

лучилось то, что на крейсерѣ „Паллада“ очутился командиръ, совершенно съ нимъ незнакомый; на броненосцѣ „Побѣда“ то же самое и замѣтите, это происходило наканунѣ боя.

Хорошо еще, что командиръ „Побѣды“ Зацаренный не на столько былъ слабъ, чтобы не могъ дать важнѣйшія указанія своему замѣстителю, за то я былъ, какъ въ лѣсу, на совершенно незнакомомъ мнѣ кораблѣ. Не проще ли было-бы меня прямо назначить на „Побѣду“, гдѣ я бы могъ пользоваться руководствомъ оправившагося командира, а Сарнавскаго, не смотря на старшинство, оставить на своемъ крейсерѣ“...

Вообще тасовка офицеровъ въ Портъ-Артурской эскадрѣ была ужасная и сильно вредила дѣлу.

Капитанъ II-го ранга Ивановъ считался, да и былъ на самомъ дѣлѣ однимъ изъ опытныхъ офицеровъ нашего флота. Онъ строилъ „Новикъ“ и былъ его командиромъ. Затѣмъ командовалъ миннымъ транспортомъ „Амуръ“. Благодаря удачно разставленнымъ имъ минамъ десятого мая на пути японскихъ броненосцевъ взорвался „Яшино“ и былъ по-

вреденъ „Фуджи“, за что Ивановъ былъ награжденъ Георгіемъ.

Будучи въ плѣну, я бесѣдовалъ съ Ивановымъ, выразавшимъ порицаніе, что въ Россіи начали строить суда по типамъ выдвинувшихся на войнѣ, благодаря лишь случайностямъ.—„Баянъ“ хорошій крейсеръ, я имъ командовалъ, говорилъ онъ, и знаю все его достоинства и недостатки — которыхъ тамъ еще не знаютъ, а между тѣмъ по типу этого крейсера думаютъ создавать новыя боевыя суда.

Выйдетъ то, что когда мы вернемся, то наши указанія явятся запоздавшими.

Однако и этотъ „лучшій“ командиръ не съумѣлъ взорвать своего „Баяна“ и онъ теперь служитъ японцамъ и считается однимъ изъ сильныхъ крейсеровъ.

— Какъ то въ бесѣдѣ съ этимъ офицеромъ былъ затронутъ вопросъ о содержаніи морскихъ офицеровъ. Капитанъ II-го ранга Ивановъ возмущался мизерностью этого содержанія.

Помилуйте, говорилъ онъ, я получаю 13000 рублей въ годъ, ну что это за цифра? За тотъ

трудъ и отвѣтственность которыя лежатъ на насъ, содержаніе командира судна I-го класса должно быть увеличено вдвое.—Такой взглядъ этого „дорогого“ командира раздѣляли и присутствовавшіе моряки.

Не могу не оговориться, что обо всемъ этомъ было говорено и записано мною послѣ Цусимскаго погрома.

Вообще много бывало такихъ случаевъ, что на берегу моряки проявляли чудеса храбрости, а на морѣ или не могли, или не допускались начальствомъ къ проявленію самодѣятельности и постепенно начинали относиться индифферентно къ совершавшимся во кругъ нихъ безобразіямъ.

Когда въ командованіе Портъ-Артурской эскадрой вступилъ контръ-адмиралъ Витгефтъ, онъ сразу приобрѣлъ всеобщую антипатію и въ семьѣ моряковъ и берегового элемента. Старика упрекали въ бездѣйствіи и непріимчивости. На „Пересвѣтъ“, напримѣръ, не стѣняясь присутствіемъ сына этого адмирала, ругали послѣдняго самымъ невозможнымъ образомъ. Называли его измѣнникомъ, нѣмцемъ и т. д.

Стессель мнѣ лично говорилъ о Витгефтѣ, какъ о какомъ то дуракѣ, бранилъ его самыми площадными словами. Бравому генералу вторилъ его штабъ.

И вотъ, когда необходимо было вступить въ переговоры съ нимъ, никто изъ штабныхъ чиновъ не хотѣли ѣхать на „Цесаревичъ“. По приказанію Стесселя былъ посланъ туда я

съ письменнымъ предписаніемъ, узнать о выходѣ эскадры и просить отправить миноносецъ для прорыва блокады, такъ какъ у Стесселя были важныя донесенія къ главнокомандующему.

Не скрою, я шелъ съ большимъ предубѣжденіемъ къ адмиралу, но вышелъ отъ него подъ впечатлѣніемъ, что бесѣдовалъ съ однимъ изъ честнѣйшихъ офицеровъ нашего флота, по недоразумѣнію попавшимъ не на свое мѣсто.

„Я знаю, — говорилъ Витгефтъ, — ваши генералы недовольны мной за то, что я не выхожу. Они меня ругаютъ и увы, даже пишутъ анонимы. Но я имъ это прощаю, такъ какъ дѣлаютъ все это по своей темнотѣ въ нашемъ дѣлѣ.“

Вывести теперь изъ загороженной гавани флотъ въ виду непріятели — немыслимо, это значило-бы рисковать боевыми кораблями, которые я долженъ беречь къ приходу Рождественскаго. Они все мѣрятъ на свой сухопутный аршинъ, забывая, что броненосецъ или крейсеръ далеко не баталіонъ или полкъ. И вижу, какъ мои офицеры изнервничались

VIII.

Нравственный уровень старших чиновъ флота. — Сдача „Сыся Великаго“ японцамъ. — Капитанъ 1-го ранга Озеровъ и лейтенантъ Овандеръ. — Старшій офицеръ Малечкинъ. — Къ сдачѣ „Адмирала Нахимова“. — Командиръ Родіоновъ и помощникъ старшаго офицера Мазуровъ. — Какъ рѣшили сдать Рождественскаго. — Эпизоды на „Олегъ“. — Командиръ Добротворскій.

VIII.

Вообще нравственный уровень старших чиновъ русскаго флота былъ чрезвычайно низокъ и, пожалуй, находился еще на большей высотѣ нежели техническая подготовка.

Возможны-ли были-бы случаи сдачи цѣлаго отряда съ подняемъ японскихъ флаговъ, оставленіе на произволъ судьбы кораблей, потопленіе судовъ въ гавани, а не въ морѣ и при томъ порча ихъ такъ себѣ, для формы, для отбитія, пресловутаго въ морской средѣ „номера“.

Изъ приводимыхъ далѣе фактовъ мы увидимъ, какъ низко стояли отцы командиры въ нравственномъ отношеніи, какъ шкурный вопросъ всегда бывший у нихъ на первомъ планѣ вмѣстѣ со стремленіемъ въ самую крити-

ческую даже минуту обогатиться за счетъ казны, губили дѣло и пагубно отзывались на прочемъ элементъ корабля.

Небогатовъ и командиры сдавшихся японцамъ судовъ уже понесли свою кару.

Съ военной точки зрѣнія ихъ поступокъ не можетъ заслуживать никакого снисхожденія.

Утопить броненосцы было-бы возможно при условіяхъ, въ которыхъ они находились и команда была-бы спасена японцами, какъ была спасена ими во время гибели „Рюрика“. Не могли-же адмиралъ и командиры не знать того, что „крѣпости переходятъ изъ руки въ руки, а флоты никогда“!

Но вѣдь кромѣ сдавшихся судовъ, захваченныхъ японцами, были еще таковыя, которыя сдались съ такимъ-же позоромъ, но въ силу лишь разныхъ случайностей не попали въ руки врагу и виновники этихъ сдачъ остались безнаказанными.

Посмотримъ при какихъ условіяхъ сдался броненосецъ „Сисой Великій“, командиръ котораго, капитанъ I-го ранга Озеровъ, писалъ

нѣтъ плѣна такія громкія донесенія на высочайшее имя.

15 Мая, когда „Сисой Великій“, послѣ того, какъ всю ночь провозился со своей пробойной употреблялъ усилія къ самоуправленію, показался японскій вспомогательный крейсеръ „Саду Мару“ *). Командиръ Озеровъ собралъ совѣтъ изъ лейтенантовъ, на которомъ было рѣшено поднять сигналъ японцамъ: „пришлите шлюпки за командой“!

Командиръ отправился самъ на мостикъ и лично распорядился поднять слѣдующій сигналъ: „Сдаюсь, пришлите шлюпки за командой“. Кромѣ того по приказанію того-же Озерова, на броненосцѣ взвился Японскій флагъ.

Японцы подошли, подали шлюпки и начали хозяйничать на броненосцѣ. Трофеевъ было собрано достаточно, даже сняты носовое и кормовое украшенія, которые теперь въ музеѣ въ Токио.

Лишь только было рѣшено покинуть броненосецъ, поднялся вопросъ объ открытіи книгстоновъ, но Озеровъ строго запретилъ предпринимать что-бы то ни было. „Мы сда-

*) Тотъ самый, котораго неудачно топилъ „Рюрикъ“. Авторъ.

лись, говорилъ онъ — и броненосецъ уже не нашъ“.

Однако инженеры механики Щетининъ и Бруятскій все же открыли кингстоны, послѣ чего „Сисой“ началъ быстро погружаться и японцамъ пришлось бросить свою попытку взять его на буксиръ.

Когда вся команда и офицеры броненосца собрались на крейсерѣ „Саду Мару“, лейтенантъ Овандеръ съ тяжкими ожогами всего тѣла, полученными во время тушенія пожара, подошелъ къ командиру.

— Г. капитанъ перваго ранга,—обратился онъ къ нему, — у насъ на совѣтѣ было рѣшено поднять сигналъ: „*пришлите шлюпки за командой*“, а вы подняли еще „*Сдаюсь*“. Чѣмъ вы это объясните?

— Лейтенантъ Овандеръ, отвѣчалъ Озеровъ, — за то дополненіе, которое я поднялъ къ сигналу, отвѣчаю я одинъ, какъ и за всѣ послѣдствія этого распоряженія.

Надо замѣтить, что, когда подошла японская шлюпка, то первымъ въ нее положительно бросился командиръ Озеровъ. Офицеры не

говаривали, имъ было стыдно передъ японцами за своего начальника.

— Вы вѣдь командиръ, вы должны послѣднимъ покинуть броненосецъ, говорили ему нѣкоторые.

— Да это такъ,—отвѣчалъ онъ, — но Богъ знаетъ, что можетъ случиться съ „Сисоемъ“, когда, вопреки моему приказанію, еще открыты кингстоны. Между тѣмъ я долженъ остаться живъ, такъ какъ флотъ погибъ и некому будетъ доложить Государю обо всемъ случившемся.

По прибытіи въ плѣнъ, Озеровъ давалъ отвѣтныи обѣды, устроенный „Цусимцамъ“ Портъ-Артурскими моряками; обѣды были въ ресторанахъ любимицы русскаго флота О.-Мацу Сая Мороока въ мѣстечкѣ Дого близъ Мацуямы. Шампанское лилось рѣкою. Этотъ почтенный командиръ оказался большимъ любителемъ гейшъ и умѣло разнообразилъ свое время.

Представивъ офицеровъ къ самымъ высокимъ наградамъ, онъ успокаивалъ ихъ, что ему тамъ въ Петербургѣ не повѣрять не мо-

могутъ, что онъ самъ лично сдѣлаетъ докладъ Государю.

„Каковъ попъ таковъ и приходъ“, гласитъ старая русская пословица. Не лучше оказался и старшій офицеръ броненосца „Сисоя Великаго“, лейтенантъ Малечкинъ. Вотъ что онъ рассказывалъ при инженеръ механикѣ Мордовинѣ, прапорщикѣ Августовскомъ и многихъ другихъ.

„Во время боя я находился въ боевой рубрикѣ. Вдругъ мнѣ на голову началъ капать *расплавленный металл* (!) Пришлось уйти. Пошелъ на носовую башню и сталъ распоряжаться тушеніемъ пожара. Двѣнадцати дюймовые снаряды жужжали вокругъ меня какъ мухи, но, какъ видите, я, слава Богу, цѣль.

Командиръ представилъ меня къ Георгію. Конечно наше дѣло не того и Георгія мнѣ не дадутъ, но Владиміръ обезпеченъ, а почему знать, быть можетъ подъ горячую руку получу и больше. Такъ дѣлаютъ настоящіе командиры, представляютъ къ высшимъ наградамъ, чтобы было съ чего сбавлять.

А то что-же сдѣлалъ Ивановъ 13-ый, онъ такое представленіе послалъ, что теперь не

навѣстно кого и награждать. Дуракъ Ивановъ вотъ и все“.

Надо замѣтить, что послѣдній командиръ „Рюрика“, лейтенантъ К. П. Ивановъ 13-ый, не дѣлалъ никакихъ представленій. Онъ тайкомъ послалъ донесеніе объ обстоятельствахъ боя черезъ судового священника, отпущеннаго японцами изъ плѣна.

Уже передъ самымъ окончаніемъ войны, получивъ приказаніе черезъ контръ-адмирала Вирепа изъ главнаго морского штаба, сдѣлать представленіе офицеровъ къ наградамъ, онъ ограничился лишь составленіемъ списковъ съ описаніемъ дѣйствій каждаго въ бою. О себѣ Ивановъ не писалъ ничего и предоставлялъ начальству оцѣнить заслуги офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

За это моряки ругали этого истиннаго героя дуракомъ.

Правда, что Озеровъ былъ единственнымъ командиромъ, который выбросилъ за бортъ 3000 фунтовъ стерлинговъ (30,000 руб.); экономическія-же деньги остались у ревизора.

Но почему такая сумма вдругъ оказалась на броненосцѣ?

Существуетъ законъ, что, выходя изъ послѣдняго порта, нельзя имѣть иностранныхъ денегъ даже и одной трети той суммы, которая оказалась на „Сисоѣ“. Въ положеніи же въ которомъ находилась Балтійская эскадра шедшая въ бой, на судахъ совершенно не должно было быть денегъ. Доподлинно извѣстно, что на „Нахимовѣ“ и „Владимирѣ Мономаховѣ“, офицерами были раздѣлены колоссальные капиталы.

То то и кутили же моряки въ плѣну и вели крупную карточную игру. Еще въ первые дни пребыванія Балтійскихъ офицеровъ въ Мацуямѣ, прапорщикъ по механической части выигралъ у одного лейтенанта 5000 рублей.

Инженеръ механикъ броненосца „Адмиралъ Нахимовъ“ Сухоржевскій, державшійся совершенно изолированно въ плѣну отъ кутящей компаніи, утверждалъ, что на „Нахимовѣ“ было поднятъ бѣлый флагъ и лейтенантъ Мисшиковъ ѣздилъ къ японцамъ для переговоровъ о сдачѣ. Въ виду „Нахимова“ были всего: одинъ японскій вспомогательный крейсеръ и одинъ миноносецъ. Затѣмъ на „Нахимовѣ“ подняли японскій флагъ. Нѣкоторые офицеры хотѣли

ворвать броненосецъ, но командиръ Родионовъ, старшій офицеръ и въ особенности капитанъ II-го ранга Мазуровъ кричали: „не смѣть взрывать“!

Сухоржевскій намѣревался все это вывести на чистую воду, ссылаясь также на прапорщика Щепотьева. Любопытно всплыла ли вся эта грязь наружу?

Въ плѣну капитанъ II-го ранга Мазуровъ сначала находился въ Мацуямѣ, а затѣмъ былъ переведенъ въ Осака.

Этотъ офицеръ Гвардейскаго экипажа держалъ себя самымъ возмутительнымъ образомъ. Его пьянству даже удивлялись японцы, которые уже успѣли свыкнуться съ этимъ качествомъ своихъ военноплѣнныхъ.

Неоднократно пьянаго Мазурова привозила японская полиція въ самомъ растерзанномъ видѣ, пьянымъ до потери сознанія, а однажды онъ былъ извлеченъ изъ канавы.

Впослѣдствіи этотъ офицеръ сыгралъ довольно грязную роль во время возстанія на броненосцѣ „Память Азова“ и былъ раненъ революціонерами.

Командиръ его, Родіоновъ думалъ отдѣляться фокусомъ. Сдавъ японцамъ свой броненосецъ, онъ надѣлъ кругъ и плавалъ въ морѣ, пока не былъ выловленъ рыбаками. Фортель не удался и громкая реклама „герою“ командиру лопнула, какъ мыльный пузырь.

Надо было видѣть, рассказываютъ очевидцы бунта на „Памяти Азова“, какъ этотъ Цусимскій герой доблестно бѣжалъ со своего броненосца. Представьте его бросающемся въ шлюпку подъ выстрѣлами ненавидящей команды и спасающимся бѣгствомъ.

Нельзя еще не отмѣтить, что всѣ эти доблестные офицеры были и въ плѣну самымъ черносотеннымъ элементомъ.

Характеренъ также фактъ, какъ господа офицеры рѣшили сдать своего начальника эскадры врагу.

Было это при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

14-го Мая въ четвертомъ часу миноносецъ „Буйный“, получивъ приказаніе отъ миноносца „Громкаго“, пошелъ спасать адмирала Рождественскаго и его штабъ. Подойдя при сильномъ волненіи къ броненосцу, охва-

ченному пламенемъ, безъ трубъ съ провалившейся палубой, съ „Буйнаго“ увидѣли часть команды столпившейся на наружномъ борту. Офицеры и матросы держали на рукахъ раненаго начальника эскадры. Уловивъ моментъ, съ рукъ на руки Рождественскій былъ принятъ на миноносецъ.

На „Суворовѣ“ раздались крики „ура“!

Вслѣдъ за Рождественскимъ были приняты на «Буйный» офицеры штаба: капитанъ 1-го ранга Клопье де Колонгъ, флагманскій штурманъ Филиповскій, флагманскій минный офицеръ Леонтьевъ, капитанъ 2-го ранга Семоновъ, лейтенантъ Крыжановскій и девять—десять нижнихъ чиновъ, подобранныхъ изъ воды. Миноносецъ далъ ходъ и пошелъ отъ „Суворова“, такъ какъ паденіе снарядовъ усилилось. Надо замѣтить, что еще до этого „Буйный“ принялъ 280 человекъ команды съ „Ослябя“ и офицеровъ штаба; флагманскаго штурмана Осипова, мичмана Бартенева, мичмана князя Ливена, мичмана князя Горчакова *) и мичмана Казмичева.

*) Действительный Статскій Совѣтникъ изъ запаса, 38 лѣтъ Тульскій переводит. дворянства.

Спѣша къ адмиралу, онъ не могъ подобрать всей команды съ „Ослябя“ и даже не принялъ четырехъ, державшихся за спасательный кругъ, прикрѣпленный къ подающему концу. Командиръ Коломейцевъ, благословилъ ихъ и далъ полный ходъ.

Кромѣ двухъ штабовъ и команды съ «Ослябя» на „Буйномъ“ находился свой штатъ съ офицерами: командиромъ Коломейцовымъ, старшимъ офицеромъ лейтенантомъ Вурмомъ, мичманомъ Храбро Василевскимъ и механикомъ поручикомъ Даниленко.

Отойдя отъ „Суворова“, миноносецъ поднялъ сигналъ.

„Адмиралъ передаетъ командованіе Небогатову“, и прошелъ вблизи эскадры, держась за „Дмитріемъ Донскимъ“ S. W. 23.

Около девяти часовъ къ „Буйному“ присоединились „Грозный“ и „Бѣдовый“.

Потерявъ изъ виду „Дмитрія Донскаго“, „Буйный“ самостоятельно прошелъ на N.

Рождественскій лежалъ въ каютѣ командира въ безсознательномъ состояніи. За нимъ ухаживалъ фельдшеръ съ миноносца.

Въ восьмомъ часу адмиралъ пришелъ въ себя и спросилъ: „Что эскадра“? Ему отвѣтили: „Бородино“ погибъ и эскадра идетъ, на S. W. 23.

Рождественскій схватился за голову и скальвалъ; „что они дѣлають, они погубяють эскадру“!

Клопье де Колонгъ наклонился къ раненному и спросилъ, какъ поступить съ нимъ. Положеніе адмирала было тяжелое.

— Обо мнѣ не беспокойтесь, отвѣчалъ Рождественскій.

Ночью спали всѣ, кромѣ Клопье де Колонга, Казмичева, Леонтьева, Бартенева, Семенова и Филипповскаго. Вурмъ, какъ старшій офицеръ, былъ наверху. Храбро-Василевскій у пушекъ и Даниленко въ машинномъ отдѣленіи.

Вдругъ Клопье де Колонгъ предложилъ офицерамъ сдать адмирала, дабы сохранить его жизнь для Россіи. Началъ онъ свою рѣчь такъ:

— Ну—и такъ, господа, мы рѣшили сдать адмирала. Его жизнь Россіи необходима!

Филипповскій поддержаль начальника штаба.

Запротестовали мичмана Бартенева и Казмичевъ:

— Жизнь адмирала нужна для эскадры или во Владивостокъ, заявили они. Леонтьевъ слабо поддержаль товарищей.

— Вы мальчишки и это не ваше дѣло, оборвалъ ихъ Клоппе де Колонгъ.

Рѣшеніе все-таки было признано за общее, не смотря на протестъ трехъ офицеровъ и на то, что спящіе не были разбужены, а находившіеся на службѣ также опрошены не были, что перечить существующему закону. Въ подобныхъ случаяхъ должны быть опрошены всѣ офицеры и одинъ протестующій голосъ останавливаетъ рѣшеніе.

Командиръ Коломейцевъ, по видимому, желавшій избѣжать участія во всей этой грязной исторіи, когда ему было предложено итти сейчасъ-же къ Корейскому берегу, отвѣтилъ, что какъ разъ въ той сторонѣ слышится канонада, почему онъ не рискуеть везти адмирала на убой.

Не мѣняя курса на N., онъ вдругъ замѣтилъ миноносцы „Бѣдовый“ и „Грозный“, а вдали крейсеръ „Дмитрій Донской“. Сейчасъ-же онъ сталъ жаловаться на неисправность машины и совѣтывалъ передать адмирала на болѣе быстроходный миноносецъ „Бѣдовый“.

Совѣтъ Коломейцева охотно приняли и, какъ извѣстно, Рождественскій уже съ „Бѣдоваго“ былъ сданъ японцамъ.

Клоппе де Колонгъ, спасая собственную шкуру, подвергъ неслыханному позору русскій флотъ и самого адмирала, когда послѣдній могъ благополучно прибыть во Владивостокъ.

На какой нравственной высотѣ находился командиръ крейсера „Олегъ“, капитанъ I-го ранга Добротворскій, свидѣлствуютъ рядъ фактовъ, къ сожалѣнію не попавшихъ еще въ печать. Когда послѣ Цусимскаго разгрома было рѣшено итти на Манилу, три офицера въ рѣзкой формѣ протестовали, называя командира трусомъ. И вотъ Добротворскій, обращаясь къ протестантамъ при всѣхъ офицерахъ, сказалъ: каждому изъ васъ, который вдумаетъ сказать, что я струсилъ, я даю на это полное право.

Рѣшеніе итти въ Манилу, а не во Владивостокъ, происходило при слѣдующихъ условіяхъ :

Командиръ и весь составъ офицеровъ обсуждали вопросъ : куда-же теперь отправляться? Шли горячіе дебаты. Небольшая группа офицеровъ стояла за прорывъ во Владивостокъ. Ни доказательства Добротворскаго, что поврежденія „Олега“ серьезны, ни увѣренія старшаго инженеръ механика о недостаткѣ угля, не привели ни къ чему.

Вѣсскія послылки протестантовъ о преступности намѣреній командира воодушевляли прочихъ слабохарактерныхъ офицеровъ и наконецъ было рѣшено, что крейсеръ пойдетъ къ Шанхаю. Лейтенанты: Политовскій, Домерщиковъ и младшій механикъ Мельницкій вызвались на баркасѣ перевезти изъ Шанхая необходимое количество угля и заполучивъ его, „Олегъ“ долженъ итти во Владивостокъ.

Между тѣмъ „Аврора“ и „Жемчугъ“ съ адмиралами отправились въ Маниллу.

Послѣднее обстоятельство подавало надежду офицерамъ справиться съ трусомъ командиромъ внѣ адмиральскихъ крейсеровъ.

Нѣкоторые пробовали позондировать команду, но матросы, утомленные боемъ, не могли отдавать себѣ яснаго отчета о разницѣ бѣгства въ Маниллу или прорыва во Владивостокъ. Они видѣли въ Добротворскомъ спасителя и говорили, что пойдутъ за нимъ, такъ какъ онъ вывелъ ихъ изъ боя. Оставалось лишь произвести *coup d'état* въ правящихъ сферахъ корабля.

Поддаваясь требованію большинства, Добротворскій, скрѣпя сердце, согласился итти къ Шанхаю. Команда уже была выстроена на верхней палубѣ для прощанья съ проходившими мимо крейсерами „Авророй“ и „Жемчугомъ“.

Добротворскій съ полными глазами слезъ стоялъ тутъ-же среди офицеровъ.

Вдругъ онъ покраснѣлъ, затрясся и снявъ фуражку, изо всѣхъ силъ трагически закричалъ, проходившему въ Манилу адмиралу.

— Ваше Превосходительство, и я за вами въ Манилу!

— Я васъ вполне понимаю, поддержалъ стоявшій за нимъ старшій артиллерійскій офи-

церь Зарудный, — безумство итти во Владивостокъ.

Всѣ присутствующіе были ошеломлены этой выходкой командира.

Политовскій, Домерщиковъ и Мельницкій бросились къ Добротворскому, выражая свое возмущеніе.

— Молчать! вонъ отсюда! не разговаривать! кричалъ въ изступленіи командиръ. Но видя, что офицеры не унимаются и не желая уступить сказалъ:

— Мы въ ста миляхъ отъ Шанхая. Прекрасно, я дамъ вамъ шлюпку, отправляйтесь.

— Дайте честное слово въ этомъ, потребовали офицеры.

Добротворскій отдаетъ приказаніе спустить шлюпку, а офицеры отправляются по каютамъ для сбора въ путь.

Когда все уже было готово, то Добротворскій вдругъ снова отмѣнилъ свое рѣшеніе и не пустилъ офицеровъ.

Скандалъ получился полный.

Снова дебаты, опять споры и дерзости съ обѣихъ сторонъ.

Шумныя пренія происходили въ каютъ компаніи.

— Вы смѣялись надъ „Діаной“, надъ княземъ Ливеномъ, говоритъ лейтенантъ Политовскій командиру, а что же дѣлаете сами?

— Молчать! вонъ отсюда! реветъ командиръ.

Старшій офицеръ Посоховъ, возмущенный грубостью послѣдняго, напоминаетъ расходившемуся Добротворскому, что въ разговоръ съ офицерами въ каютъ компаніи слѣдовало-бы умѣрить тонъ.

— Что? Молчать! я съ вами не разговариваю. Довольно ужъ я наговорился съ вами. Молчать! кричитъ командиръ.

Пикировка, доходящая до неприличія, не прекращается. Командиръ грозитъ, терроризируя наиболѣе слабыхъ и когда замѣчаетъ, что почва подготовлена, вдругъ встаетъ со словами:

— Ну хорошо, рѣшимъ вопросъ баллатировкой, итти ли въ Маниллу или во Владивостокъ.

Командирскія угрозы имѣли свое воздѣйствіе. Всѣ, за исключеніемъ четырехъ голосовъ:

Политовскаго, Домерщикова, Мельницкаго и доктора Акника подали за бѣгство въ Маниллу.

Наступила глубокая давящая тишина.

Вдругъ встаетъ лейтенантъ Политовскій и, обращаясь къ офицерамъ, громко говоритъ:

— Вы подлецы и измѣнники!

Ни одного даже слабого протеста.

Обличеніе лейтенанта принято, какъ заслуженное.

Добротворскій достигъ своего и благополучно добрался до Маниллы.

Вотъ съ какими командирами, за исключеніемъ очень немногихъ штабъ офицеровъ славно погибшихъ со своими кораблями, пришлось идти въ бой нашимъ морякамъ. Какая же могла быть побѣда при подобной нравственной низинѣ тѣхъ, кто долженъ былъ подавать примѣръ въ рѣшимости, храбрости и твердости духа своимъ подчиненнымъ.

А вотъ еще примѣръ нравственнаго облика командира, но уже въ періодъ мирнаго времени послѣ войны.

Съ транспорта „Колыма“, стоявшаго въ сентябрѣ 1906 года въ одной изъ бухтъ около Петропавловска, явилась необходимость пос-

лать на берегъ шлюпку. Командиръ транспорта, капитанъ II-го ранга Ивановъ (Сергѣй), распорядился отправить двѣнадцать весельный катеръ при мичманѣ Скрыдловѣ.

Погода стояла свѣжая. Мичманъ прямо заявилъ командиру, что слагаетъ съ себя отвѣтственность въ случаѣ аварии, такъ какъ буря слишкомъ большой и перейти черезъ баръ невозможно.

Не разсуждайте и отправляйтесь, отвѣчалъ Ивановъ.

Катеръ пошелъ, былъ перевернутъ и несчастная команда вся перетонула, разбиваемая о камни.

Все это видѣлъ мичманъ Скрыдловъ, котораго, какъ наиболее легкаго, снесло въ сторону и выкинуло на скалу.

Результатомъ этой кровавой драмы было лишь исключеніе изъ списковъ умершими 12 матросовъ и выведенъ въ расходъ разбитый катеръ.

Этотъ самый Ивановъ женатъ на дочери Владивостокскаго городского головы Федорова. Баспословные рассказы передаютъ о поведеніи этой матери командирши, изъ за про-

дѣлокъ которой погибло не мало молодыхъ офицеровъ.

Самъ Ивановъ прекрасно зналъ наклонности своей жены и не принималъ ровно никакихъ мѣръ къ изолированію отъ ея общества товарищей, подвергавшихся впоследствии ужаснымъ скандаламъ.

Кровавая драма съ мичманомъ Блокомъ изъ за продѣлки этой дамы заслуживаетъ вниманія. Блокъ, молодой аккуратный нѣмецъ, удивительный службистъ на крейсера „Россія“.

Ивановъ приглашаетъ его къ себѣ. Блокъ начинаетъ бывать. Держить себя удивительно скромно и это злитъ сирену.

Однажды, бесѣдуя съ ней въ ея квартирѣ, когда самъ Ивановъ былъ дома, но въ своемъ кабинетѣ, мичманъ замѣтилъ, что на его колѣни вдругъ легла нога собесѣдницы. Только ошеломленный Блокъ хотѣлъ вскочить, какъ въ это многоженіе въ комнату вошелъ самъ капитанъ II-го ранга.

— Вы подлець! обратился онъ къ мичману.

— Тотъ объяснился и потребовалъ взять слова назадъ.

Но Ивановъ указалъ ему на дверь.

Несчастный Блокъ прибылъ на „Россію“, привелъ въ порядокъ ретныя дѣла, денежную отчетность и заперся въ каютѣ.

Иванова, какъ видно, разобрало раскаяніе. Опъ черезчуръ хорошо зналъ Блока, чтобы заподозрить его въ подобномъ поступкѣ а тутъ еще товарищи заставили его поправить ошибку. Ѣдетъ Ивановъ на крейсера изви-пяться передъ оскорбленнымъ мичманомъ. Вотъ онъ на „Россіи“. Вотъ и каюта Блока. Стучитъ въ дверь. Въ отвѣтъ на стукъ раздается выстрѣлъ. Ломаютъ замокъ; бѣдный юноша уже мертвъ.

IX.

Обманутыя надежды. — Заколдованное царство. — Три корпораціи. — Благія времена. — Появленіе Гинсбурга въ русскомъ флотѣ. — Гинсбургъ благодѣтель морскихъ офицеровъ. — Русская печать о служащихъ Гинсбурга. — Гинсбургъ о постройкѣ въ Артурѣ домовъ. — Адмиральша Веселаго и Гинсбургъ. — Приѣздъ лейтенантши Берхъ. — Почему Гинсбургъ былъ такимъ благодѣтелемъ русскихъ моряковъ. — Что стоилъ Гинсбургъ Россіи на минувшую войну. — Г. Горштейнъ о Гинсбургѣ.

IX.

Заглянемъ теперь въ наиболѣе таинственную отрасль военно-морскаго дѣла; посмотримъ какъ вершили свои темныя дѣлишки отцы командиры, ревизоры и старшіе механики въ области судового хозяйства, а также, что творилось въ портахъ.

Россія, находясь въ полной неосвѣдомленности о состояніи своего флота, возлагала такія надежды на наши морскія силы, на которые такъ еще недавно было брошено девятосто миллионовъ народныхъ денегъ. Вѣдь съ какимъ энтузіазмомъ провожали моряковъ на войну. Какъ встрѣчали такъ называемыхъ „героевъ“ съ „Варяга“ и „Корейца“, какъ снисходительно относилось общество въ началѣ войны къ первымъ неудачамъ нашего

флота, приписывая ихъ случайностямъ и не желая вѣрить въ полную непригодность личнаго состава для защиты своего отечества.

И какъ обманута была Россія своими же моряками, такъ искусно прикрывавшими гнойныя, зіяющія раны морскаго дѣла, непроницаемой броней корпоративной недосыгаемости.

Русскій народъ только издали могъ любоваться горделиво величавыми броненосцами и крейсерами. Попасть туда для обыкновеннаго смертнаго было также трудно, какъ въ Святое Святыхъ. Тѣ же, которымъ удавалось побывать на военномъ кораблѣ, покидали его, ослѣпленные внѣшнимъ блескомъ, необыкновеннымъ радушіемъ моряковъ, показной дисциплиной и искусственнымъ порядкомъ. Обратная-же сторона жизни въ этомъ заколдованномъ царствѣ оставалась для общества непроницаемой тайной.

Вѣдь благодаря такой изолированности нашего флота отъ общества, никто о немъ ничего и не зналъ. Плаваніе на судахъ журналистовъ не допускалось. Кромѣ Гончарова, Скальковскаго да Максимова у насъ почти нѣтъ беллетристовъ, коснувшихся жизни и

быта военнаго моряка, а между современными морскими офицерами такихъ не существуетъ.

Правда, въ 1900 году въ „Нов. Времени“ стали появляться работы капитана II-го ранга Добротворскаго (впослѣдствіи командира „Олега“), подъ псевдонимомъ „Nota“. Кое гдѣ попадались потуги на литературныя произведенія другихъ, но все это капля въ мѣрѣ.

Современный морякъ—это фанатикъ принциповъ своей корпорации, какъ бы ни были они ужасны и къ какимъ бы послѣдствіямъ не вели родной флотъ.

Установившіеся традиціи военно морской среды—это законъ и его измѣнить только коренная реформа, не въ сферахъ одного лишь флота, а всего государственнаго строя, продиктованная не сверху, а съ низовъ.

Въ Россіи среди элемента, посягающаго офицерскіе эполеты, существуютъ три прочныя корпорации, члены которыхъ, не взирая ни на интересы государства, ни на укоры личной совѣсти и чести, не дадутъ въ обиду постороннему элементу одного изъ своихъ собратій. Будь онъ отъявленный негодяй, будь онъ не иначе что! Всѣ разомъ гурьбою поднимаются за

товарища, разъ кто извнѣ дерзнетъ посягнуть на его особу. Эти корпораціи слѣдующія: генеральный штабъ, жандармы и наши морскіе офицеры.

И вотъ, благодаря этой корпоративной сплоченности процвѣтало и прогрессировалось все то зло, о которомъ я и хочу разсказать въ настоящей части моего труда.

Въ тѣ благія времена для отцовъ командировъ, когда начала формироваться эскадра на Дальнемъ Востока, у насъ не было тамъ хорошо оборудованныхъ портовъ. Вслѣдствіе этого наши военные суда стояли въ Нагасакахъ, Кобе и Юкогамъ.

Вотъ то было раздолье! Огромное заграничное содержаніе, полное отсутствіе контроля и кутежъ, кутежъ безъ конца...

Уже тогда японцы начали изучать своего будущаго противника. Позднѣ ихъ офицеры посѣщали наши военные корабли и не брезговали наниматься къ намъ простыми мастерами или являться въ качествѣ поставщиковъ торговцевъ и даже официантовъ.

Да, что говорить о такихъ отдаленныхъ временахъ, когда чуть ли не на канунѣ самой,

войны у насъ въ порту и на судахъ работали японцы, а сколько въ ихъ числѣ было специальныхъ шпионовъ, можно себѣ легко представить самимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ началъ свое существованіе портъ Владивостокъ, наша эскадра стала проводить въ Японіи только лишь зиму, оставаясь тамъ по четыре, по пяти мѣсяцевъ.

Нечего говорить, что японцы всѣми силами старались также извлекать и матеріальную выгоду съ этихъ русскихъ гостей, вслѣдствіе чего въ ихъ портахъ появились поставщики матеріальной части, русскаго флота: напримеръ, извѣстная фирма въ Нагасакахъ Кихэ и К°, доставлявшія провизію и Кумаска Мацу-Мори тросъ, порусину и кожу.

Также начала современемъ функционировать и знаменитая своимъ хищничествомъ фирма Гинсбургъ и К°.

Еще не старые моряки отлично помнятъ юркаго комиссіонера еврейчика, сновавшаго съ одного судна на другое съ небольшой корзинкой медикаментовъ и разныхъ, преимущественно скабрзныхъ, бездѣлушекъ.

Этотъ еврей по фамилии Мессъ, бѣжалъ отъ воинской повинности изъ Россіи въ Америку, гдѣ и пріобрѣлъ фамилію Гинсбургъ.

Постепенно завоевывалъ онъ себѣ популярность въ обществѣ морскихъ офицеровъ, сначала путемъ исполненія мелкихъ порученій, не гнушаясь даже самыми интимными, а когда разбогатѣлъ, сдѣлался необходимымъ для нихъ человѣкомъ.

Для морскихъ офицеровъ въ конторахъ Гинсбурга отказовъ не существовало. Всѣ порученія, даваемые отъ адмираловъ и кончая молодыми мичманами, исполнялись безъ замедленія. Лучше, жены морскихъ офицеровъ смотрѣли на агентовъ Гинсбурга, какъ на своихъ служащихъ. Имъ приказывалось доставлять то или другое. Черезъ нихъ выписывались дамскіе наряды, ихъ посылали занимать квартиры, поручали отдѣлку комнатъ и прочее. Все это дѣлалось на почвѣ широчайшаго „кредита“, открытаго Гинсбургомъ морякамъ. Многіе изъ командировъ преспокойно кромѣ того жили въ домахъ Гинсбурга, не платя ему ни копѣйки.

Заграничная и мѣстная печать иногда

затрагивала вопросъ о дѣйствіяхъ Гинсбургскихъ служащихъ, большинство которыхъ являлось членами многочисленной родни этого „благодѣтеля“. Такъ напримѣръ, до войны указывали на хищничество Хандельмана главнаго довѣреннаго Гинсбурга, Ландиса и др., а объ г. Горштейнѣ родственникъ „угольнаго короля“ писали, что онъ довольствовалъ женщинами крейсера „Аскольдъ“ во время его стоянки въ Китаѣ послѣ боя 28го Іюля 1904 года. На сколько вѣрны были эти корреспонденціи, судить не беремся, но что общественное мнѣніе было настроено противъ Гинсбургской клики, то это внѣ всякаго сомнѣнія.

Старшій штурманъ крейсера „Рюрикъ“, капитанъ Саловъ, при капитанѣ 1-го ранга Селецкомъ и помощникъ его Кисимовъ, сообщалъ мнѣ въ плѣну слѣдующій разговоръ, бывшій между нимъ и Гинсбургомъ.

Было это въ то время, когда отстраивался въ Портъ-Артурѣ „Новый городъ“. Капитанъ Саловъ обращается съ вопросомъ къ Гинсбургу:

Отчего вы, Моисей Акимовичъ, строите только четыре дома?

— Конечно, я бы могъ застроить половину Артура, отвѣчаетъ тотъ, но какая же мнѣ будетъ отъ этого выгода?

Наѣдутъ командиры, господа ревизоры, займутъ всѣ дома, а за квартиры платить не будутъ.

— Почему-же? удивился Саловъ.

— Да потому, что я Гинсбургъ!

Когда на Дальній Востокъ былъ назначенъ контръ-адмиралъ Веселаго, то онъ только лаконически сообщилъ телеграммой Гинсбургу: „моя жена будетъ жить въ Нагасакахъ“. И что же? По распоряженію послѣдняго выплываетъ изъ Шанхая роскошная обстановка, отдѣляется Гинсбургскій домъ и адмиралъша торжественно въѣзжаетъ, встрѣчаемая всѣмъ штатомъ служащихъ Гинсбурга, цвѣтами и шампанскимъ.

Послѣ нѣкотораго времени, по приказанію адмиралъши, вся обстановка упаковывается и отправляется во Владивостокъ, куда переѣзжаетъ также госпожа Веселаго. Конечно, за все это Гинсбургу не было заплачено ни копейки, о чемъ онъ жаловался многимъ изъ моряковъ и въ томъ числѣ Кисимову.

А вотъ примѣръ отношенія Гинсбурга уже не къ адмиралу, а къ лейтенанту. Ѣдетъ на „Добровольцѣ“ къ своему мужу изъ Россіи тоспожа Берхъ. Самъ лейтенантъ Берхъ на службѣ и не можетъ встрѣтить супругу, которая, какъ большинство морскихъ дамъ, остается въ Японіи. Онъ только даетъ въ Нагасаки телеграмму въ контору Гинсбурга: „Встрѣтить, устроить, снабдить деньгами мою жену“. Приказаніе исполняется въ точности. Клеркъ встрѣчаетъ лейтенантшу съ букетомъ цвѣтовъ, помѣщаетъ ее въ лучшую гостиницу и передаетъ пакетъ съ деньгами.

И подобныхъ фактовъ не пересчитаешь, ихъ бы хватило на цѣлые томы.

Но почему-же все это дѣлалъ г. Гинсбургъ? Что за филантропія проявлялась съ его стороны по отношенію къ г.г. флотскимъ офицерамъ? Къ чему заискивалъ онъ даже у маленькихъ чиновъ флота?

А какъ же иначе? Вѣдь каждый мичманъ или лейтенантъ можетъ быть назначенъ ревизоромъ, а тамъ, глядишь, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже командуетъ миноносцемъ, а

затѣмъ и боевымъ кораблемъ, — стало быть становится для г. Гинсбурга, человѣкомъ необходимымъ.

Наконецъ вѣдь онъ не безъ языка, а г. Гинсбургу нужна широчайшая реклама въ морской средѣ и твердая почва для своихъ „благодѣтельныхъ“ аферъ во флотѣ. Вѣдь это сразу не дается.

За то теперь почтеннѣйшій Моисей Акимовичъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, кавалеръ высокихъ Россійскихъ орденовъ, въ ожиданіи новыхъ аферъ въ той-же морской средѣ, при возрожденіи русскаго флота.

По операціямъ (!), выполненнымъ для Портъ-Артура, Гинсбургъ представилъ счетъ на 2.121.996 рублей и за постановку угля Тихоокеанской эскадрѣ на 2.473.384 рубля. Признавъ, что *„отпускъ такой суммы не введетъ казну въ ущербъ“*, морское министерство утвердило почти полностью такую колоссальную выдачу и Гинсбургъ уже часть ея получилъ, обезпечивъ пополненіе и остатка.

Какъ то въ въ бесѣдѣ моей съ Нагасакскимъ агентомъ Гинсбурга, — Добровольнаго

флота — тожь, *) г. Горштейномъ, я изумлялся хищнической дѣятельности Гинсбурга.

Горштейнъ только улыбался.

— „Все что вы собрали это еще пустяки, сказалъ онъ, продѣлывались вещи почище; о нихъ знаемъ мы, да наши друзья моряки. При чемъ-же тутъ Гинсбургъ?, продолжалъ агентъ — (онъ-же двоюродный братъ его). — Не было бы Гинсбурга, былъ бы Семеновъ, Петровъ, Шмульзонъ.

Такова была постановка дѣла во флотѣ и таковы были морскіе офицеры.

Ну, что же вы можете освѣтить больше того, что Гинсбургъ ловко „перевелъ“ изъ русскаго флота въ свой карманъ десятки миллионовъ, положилъ ихъ въ Лондонскій банкъ и живетъ себѣ пригѣваючи; что ему отъ всѣхъ этихъ разоблаченій. Кто кого создалъ? Гинсбургъ ли русскихъ моряковъ, или они его съ богатствомъ, орденами и генеральскимъ чиномъ?

Вѣдь что такое былъ Гинсбургъ? — Бѣдный еврейчикъ, мечтавшій лишь о томъ, чтобы разбогатѣть и достигшій своей цѣли.

*) До Января 1908 г. Гинсбургъ былъ поставщикомъ и агентомъ Балтскаго и Добровольнаго Флота

Вы увидите, что для будущаго флота Гинсбургъ окажетъ еще незамѣнимыя услуги и если не будетъ дѣйствовать самъ, то у него есть достаточно подготовленныхъ для того людей.

Ему-же пора и на отдыхъ, поработалъ въ свое время не мало, закончилъ агентъ.

Но о Гинсбургѣ еще рѣчь впереди.

◇

Х.

Объ экономическихъ суммахъ. — Командиры и экономія. — Морская отчетность. — Инвентари. — Адмиралъ Верховскій. — Поставка Гинсбургомъ припасовъ въ 1901 г. — Дань „благодѣтелю“ Гинсбургу. — Причины нравственнаго упадка личнаго состава. — Обзоръ съ высоты Адмиралтейскаго шпица. — „Черное золото“. — Плоды благодѣяній Гинсбурга. — На черныхъ приискахъ.

Х.

Съ увеличеніемъ численности русскаго флота, а равно и размѣровъ судовъ, государствомъ начали расходоваться колоссальныя средства на улучшеніе портовъ Дальняго Востока. Сооружались новые склады для угля, матеріаловъ и строились доки. Очевидно, что при такомъ широкомъ хозяйственномъ дѣлѣ, по всеѣмъ его отраслямъ, получалась также и огромная экономія.

На судахъ такія экономическія суммы, вначалѣ расходовались на приобрѣтеніе предметовъ, не положенныхъ по штату, а также на улучшеніе быта команды. Матросамъ устраивались елки, пасха; изъ нихъ же выдавались денежныя награды и подарки. Всѣ эти расходы представляли собою черезчуръ ничтож-

ныя цифры, въ сравненіи съ тою колоссальною экономіей, которая начала образовываться на всѣхъ судахъ нашего флота и деньгами, и въ матеріалахъ. Получалось это вслѣдствіи того, что не было никакой возможности израсходовать, положеннаго по штату.

Экономическія суммы за послѣднее время на многихъ судахъ начали выражаться въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ, а каждое судно перваго класса во время стоянокъ въ заграничныхъ водахъ скапливало такой экономіи отъ ста до ста пятидесяти тысячъ рублей въ годъ.

На крейсерѣ „Россія“, стоявшемъ въ 1902 г во Владивостокѣ имѣлось сто съ лишкомъ тысячъ рублей экономическихъ денегъ.

Надо замѣтить, что такія суммы нигдѣ не числятся, почему находятся въ полномъ и безконтрольномъ вѣдѣніи ревизора, а также и командира, такъ какъ оба они состоятъ въ зависимости одинъ отъ другого. Сдавать экономическія деньги не полагается.

Былъ случай, когда командиръ одного корабля, попытавшійся было сдать экономію, получилъ выговоръ въ приказѣ.

Приказъ этотъ былъ мотивированъ тѣмъ, что разъ появилась экономія, то значить командиръ не давалъ матросамъ положеннаго довольствія.

И это писали тѣ, которымъ прекрасно была известна вся подноготная морского хозяйства.

Можно же себѣ представить, какія суммы капули въ вѣчность; вѣдь цифры ихъ должны выразиться въ цѣлыхъ десяткахъ милліоновъ. Какъ бы пригодились они во дни народнаго бѣдствія.

Хотя экономическія суммы нигдѣ и не числились, но они прекрасно были известны офицерамъ флота и въ особенности кандидатамъ на командирское мѣсто. Всѣ они знали, гдѣ сколько находится экономіи.

Было время, когда даже считалось за правило передавать экономію новому командиру, но потомъ съ этимъ мало считались. Вотъ благодаря тому обычаю начался форменный споръ экономическими деньгами, такъ какъ многіе изъ вновь назначаемыхъ командировъ требовали передачи известной имъ суммы;

иначе не принимали корабля, какъ это принято—„на вѣру“.

Порядокъ судового хозяйства вполнѣ благопріятствовалъ этому спорту; соблазнъ быть черезчуръ великъ для падкаго на золото челоуѣчества.

Съ 1880 года у насъ во флотѣ не было никакой правильной отчетности и вплоть до Китайскихъ безпорядковъ писались такъ называемыя „карманныя книжки прихода и расхода починочнаго и расходнаго матеріаловъ. Имущество на старыхъ судахъ кое какъ, лишь для порядка, записывалось въ инвентари.

На вооружавшихся судахъ, форма прежнихъ инвентарей была признана несоотвѣтствующей, а надъ новою, какъ это водится у насъ, засѣдали различныя комиссіи. Черезъ семь или восемь лѣтъ, наконецъ, была выработана и утверждена форма для инвентарей судового имущества, которое за весь этотъ промежутокъ времени записывалось въ „первоначальныя книги“, куда, благодаря небрежности, или по другимъ соображеніямъ, многіе предметы вовсе не попадали.

Все это творилось на всѣхъ судахъ, построенныхъ въ Россіи, такъ какъ иностранныя заводы присылали ихъ съ полными инвентарями, составленными даже въ двухъ экземплярахъ. Ну вотъ хоть-бы „Варягъ“—въ его инвентарѣ была записана каждая гаечка; а вѣдь эти-то гаечки, винтики и прочая мелочь—цѣлый капиталъ, при переводѣ на звонкую монету.

На крейсерѣ-же „Жемчугъ“, ушедшемъ въ 1904 году за границу, не было никогда инвентаря, да и не существуетъ до сего времени. Только на очень немногихъ судахъ инвентари имѣлись на лицо, но въ нихъ не было никакой возможности разобрать, на сколько содержаніе послѣднихъ не соотвѣтствовало имуществу, находившемуся на кораблѣ.

Комиссія, специально назначенной для проверки инвентарей, пришлось лишь руками развести и бросить начатую бесплодную работу. Наконецъ этотъ Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ начальникомъ отдѣла кораблестроенія и снабженія вице-адмираломъ Верховскимъ, — онъ попросту приказалъ не вносить въ новые инвентари недостающаго иму-

щества, какъ и того въ которомъ комиссія по могла разобратъся.

Такимъ образомъ однимъ расчеркомъ пера адмирала миллионы канули въ Лету.

При подобномъ положеніи дѣлъ во флотѣ, нечего и говорить, что и въ Тихоокеанской эскадрѣ царилъ полифѣйшій произволь.

При заготовкѣ матеріаловъ, какъ-то: троса, минеральнаго масла и въ особенности угля, шель, положительно, грабежъ и это дѣлалось грубо, на глазахъ у всѣхъ, словно по существующему какому то законоположенію.

Было это какъ разъ послѣ Китайскихъ безпорядковъ.

Наша эскадра подъ командою Скрыдлова въ теченіи двадцати дней стояла въ бухтѣ „Сильвія“, что недалеко отъ Мозампо (въ Кореѣ). Шли приготовленія къ смотру. И вотъ на одномъ маленькомъ пароходишкѣ купца Гинсбурга на всѣ суда эскадры были доставлены двухмѣсячные запасы, а въ томъ числѣ и уголь.

Такимъ образомъ состоялся фактъ пріемки, которую физически выполнить было дѣломъ немыслимымъ.

Двухмѣсячные запасы для эскадры, въ теченіи двадцати дней, могли доставить ни какъ не меньше десяти такихъ пароходовъ.

Еще во время китайскихъ безпорядковъ иностранцы, отъ которыхъ не ускользали продѣлки русскихъ моряковъ, выражали свое удивленіе, какъ это все легко укрывается отъ правящихъ сферъ и конечно они не допускали мысли, что именно эти правящія сферы заинтересованы во всѣхъ существующихъ въ русскомъ флотѣ, злоупотребленіяхъ.

Во время высадки международнаго десанта въ Таку безъ исключенія всѣ иностранцы пользовались бесплатно китайскими баржами. Наши же моряки и здѣсь не могли обойтись безъ помощи своего благодѣтеля Гинсбурга и заплатили ему сорокъ тысячъ рублей за доставленные двѣ китайскія баржи. Вы понимаете, читатель, 40.000 рублей за двѣ баржи?

Какъ вамъ это нравится?

Конечно эта цифра была показана въ счетѣ, а добрая половина ея перешла господамъ командирамъ и ревизорамъ, но даже если это и такъ, то и 20000 баснословныя, невѣроятныя

деньги за двѣ баржи, которыя должны были быть использованы бесплатно.

Надо замѣтить, что одною изъ главныхъ причинъ нравственнаго упадка въ личномъ составѣ русскаго флота, являлось то обстоятельство, что почти всѣ финансовыя операціи лицъ, состоящихъ на строевой службѣ, а равно административныхъ учрежденій морского вѣдомства, представляли собою что то таинственное, отчасти лишь доступное контролю, явленіе.

Всѣ небрежности по отношенію къ массѣ распоряженій начальства по этой отрасли морскаго дѣла, всевозможныя гешефтмахерства и попросту хищенія, прекрасно были извѣстны всему морскому міру и тщательно оберегались министерствомъ, находившимъ личную выгоду въ подобномъ положеніи вещей. Правда, что нѣкоторыя темныя дѣла вдругъ обнаруживались и были такого сорта, что относиться къ нимъ съ обычнымъ равнодушіемъ уже не было возможности и онѣ, во избѣжаніе огласки, рѣшались келейно, вслѣдствіе чего не рѣдко люди, заслуживающіе тяжелой кары правосудія, переводились на другія должности, или

по просту, получали не менѣе доходныя смѣта на берегу, а не то сплавлялись въ Добровольный Флотъ.

Нечего говорить, что подобный взглядъ на казнокрадовъ лишь увеличивалъ число кровопійцъ русской земли, сосущихъ и безъ того скудные жизненные соки нашего обобраннаго, голоднаго народа.

Но кинемъ взглядъ съ высоты адмиралтейскаго шпица на то, что дѣлалось подъ Андреевскимъ флагомъ въ русскомъ флотѣ.

Каждому знакомому съ запутанной механикой колоссальнаго морскаго хозяйства прекрасно извѣстно, что въ стѣнахъ самаго Адмиралтейства, то-есть, въ главномъ управленіи кораблестроенія и снабженія, заключались всѣ контракты по снабженію флота въ Россіи и на Дальнемъ Востокѣ. Самыми предательскими изъ нихъ были контракты на „черное золото“, то-есть, превращенный въ этотъ новый „металлъ“ русскими моряками, уголь.

Этотъ морской „металлъ“ сдѣлался общимъ култомъ чиновъ морского вѣдомства, алчность которыхъ къ нему особенно сильно развилась.

съ тѣхъ поръ, когда господа моряки вмѣстѣ съ купцомъ Гинсбургомъ убѣдились на практикѣ, что далеко „не все то золото, что блеститъ“.

Въ 1903 году морское министерство заключило контракты съ фирмою Гинсбургъ и К^о, по которымъ предприимчивый „угольный король“ долженъ былъ имѣть кардифъ по 73 шиллинга за тонну! Посмотримъ-же, что получилось изъ подобной сдѣлки морского министерства.

Въ одномъ и томъ-же порту стоятъ два корабля. Одинъ подъ коммерческимъ флагомъ Добровольнаго Флота, другой — военный.

Оба они грузятся совершенно одинаковымъ углемъ (кардифъ). Въ результатъ: коммерческое уплачиваетъ за тотъ же самый уголь 36 шиллинговъ, когда военное платитъ 75.

Откуда же явилась подобная разница? Вѣдь не могло же морское министерство не обратить вниманія на несоотвѣтствіе контрактовъ Добровольнаго флота со своими, когда оно само утверждаетъ первые и вообще контролируетъ всѣ дѣйствія Добровольнаго Флота.

Но нѣтъ. Замѣчать подобное явленіе не входило въ расчеты адмиралтейства... И шелькъ себѣ грабежъ, подъ покровительствомъ властей, впередъ широкою дорогою.

Разсказываютъ бывалые люди, что на золотыхъ приискахъ, вообще, нравы очень быстро калѣчатся и смотришь, изъ честнаго человѣка получается страшный негодяй. На „черныхъ приискахъ“ во флотѣ случилось тоже самое.

Наши суда вдругъ сдѣлались не въ мѣру прозорливыми во время своихъ плаваній и черезчуръ разборчивыми въ качествѣ излюбленнаго „морскаго металла“.

Кардифъ! Кардифъ! Кардифъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ. Но часто онъ былъ только на бумагѣ, а на Дальнемъ Востокѣ, при первой же возможности, въ особенности же во время отдѣльныхъ рейсовъ, жегся японскій уголь,*) который въ четыре раза дешевле кардифскаго.

*) Японскій уголь сильно дымитъ, что сразу было бы замѣтно при походѣ цѣлымъ отрядомъ.

Авторъ.

ХІ.

Уголь. — Хищеніе и мошенничество на судахъ и въ порту. — Чиновники: Швецовъ и Горѣловъ. — Всемирный рекордъ побить русскими моряками. — Фабрика дутыхъ счетовъ. — Комбинація углемъ старшихъ механиковъ. — Какъ добился Гинсбургъ монополіи во флотѣ по поставкѣ угля. — Чѣи миллионы у Гинсбурга.

XI.

Такъ какъ уголь среди прочихъ матеріаловъ давалъ самую большую экономію и недопріемку его очень легко скрыть, то надъ нимъ продѣлывались самыя разнообразныя операціи.

Всѣ злоупотребленія по заготовкѣ матеріаловъ вообще являлись слѣдствіемъ неизбѣжнаго сношенія судовой хозяйственной части съ частными поставщиками, такъ какъ въ портовыхъ складахъ никогда не имѣлось въ наличности всего необходимаго для корабля.

Правда, адмиралтейство напрягало всѣ силы, чтобы поставить портовое дѣло на должную высоту и въ тоже время нисколько не намѣревалась устранять серьезныя препятствія, мѣшавшія достиженію этой цѣли.

По крайней мѣрѣ, на Дальнемъ Востокѣ порты были и находятся въ самомъ трагическомъ положеніи.

Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ, дающихъ представленіе, какимъ образомъ хозяйственные чины флота извлекали для себя выгоду изъ угля.

Возьмемъ судно, которое долгое время находилось въ Портъ-Артурѣ или Владивостокѣ и совершило не мало рейсовъ. Въ его угольныхъ ямахъ, конечно, больше угля, нежели остатокъ, показываемый въ утреннихъ рапортахъ. Это и понятно. Въ нихъ онъ выводится по положенію: на самомъ же дѣлѣ расходуетъ меньше, такъ какъ сжигается по столько, по сколько является необходимость. Израсходовать же уголь согласно существующему положенію—невозможно.

Предположимъ, что подобная операція продолжалась бы въ теченіи болѣе или менѣе долгаго времени, да еще при экономномъ механикѣ, то, въ концѣ концовъ, можно было дойти до того, что въ одинъ прекрасный день въ утреннемъ рапортѣ значилось бы о полномъ расходѣ угля. Если бы тогда же за-

глянуть въ угольные ямы, то пришлось бы убѣдиться, что двѣ трети его имѣются на лицо.

Такая экономія особенно обильна послѣ лѣтнихъ ученій и маневровъ; и вотъ тутъ то у отцовъ командировъ Тихоокеанской эскадры внезапно обнаруживалось стремленіе къ красивымъ берегамъ Японіи, или вообще, необходимость зайти въ какой нибудь изъ заграничныхъ портовъ. По приходѣ туда, обыкновенно начинались спѣшные запасы углемъ и водою, хотя ни въ томъ, ни въ другой никакой надобности не встрѣчалось.

Всѣ трюмы были переполнены водою еще въ русскомъ порту, гдѣ за нее платы не взимается и счетовъ не берется, между тѣмъ за границей таковые пишутся и на воду.

Конечно, въ такихъ случаяхъ у заграничныхъ друзей — поставщиковъ уголь принимался лишь для проформы, въ самой незначительной долѣ, а счета составлялись на всю его экономію, имѣющуюся на кораблѣ, нерѣдко же и болѣе, въ расчетѣ на будущія блага.

Зачастую вмѣсто кардифскаго угля принимался японскій, а счетъ писался на пер-

вый. Стало быть, вся разница между стоимостью того и другого, поступала въ карманъ къ аферистамъ.

Но не только на судахъ производились подобныя хищенія угля.

То же самое творилось, но уже en grand въ портовыхъ угольныхъ складахъ. Во второй половинѣ 1902 года въ Артурскомъ порту накопилось 40,000 тоннъ экономического угля; а если принять во вниманіе, что тонна кардифа стоитъ minimum 22 рубля, то это составитъ 880,000 рублей. Сумма довольно кругленькая.

Но какъ сбыть такой уголь? Вывести его изъ порта почти нѣтъ никакой возможности, а нажиться все таки охота. Начинаются переговоры съ командирами, которые соглашаются купить портовую экономію кардифа по 7—8 рублей за тонну. Это вмѣсто то двадцати двухъ! Выгодное пріобретѣніе.

Уголь принимается понемногу, во время законной пріемки, положенный по штату.

Портовый чиновникъ Горѣловъ продавалъ изъ Портъ-Артурскихъ складовъ экономической кардифъ по три рубля за тонну.

Въ виду того, что этотъ самый Горѣловъ снова принять на службу во Владивостокскій портъ, будетъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Бѣднымъ человѣкомъ прибылъ Горѣловъ на Дальній Востокъ и попалъ, наконецъ, въ П.-Артуръ помощникомъ по лѣсной части къ Портовому чиновнику Швецову. Швецовъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, бывший присяжный повѣренный, за сорокъ лѣтъ, какъ приходится слышать со всѣхъ сторонъ, грабительствомъ не занимался.

Какъ bon vivant, любящій кутнуть, онъ не достаточно лишь вникалъ въ дѣятельность своихъ помощниковъ, оказывая имъ излишнее довѣріе.

Говорятъ, что Швецовъ имѣлъ возможность въ то время создать себѣ колоссальное состояніе, а между тѣмъ въ 1902 году я его лично видѣлъ въ Петербургѣ почти нищимъ.

Вдругъ обнаруживается у Швецова недочетъ въ 30,000. Что дѣлать? Отдать подъ судъ изъ за такой „ничтожной“ суммы не хотѣли. „На судѣ“ можетъ всплыть кое что покрупнѣе. Подумали и давъ Швецову еще

субсидію, такъ какъ у него ровно ничего не оказалось, уволили въ отставку.

Угольные склады принялъ Горѣловъ. При помощи Гинсбургскаго служащаго Ландиса, подтвердившаго мнѣ это въ Нагасакахъ при свидѣтеляхъ, Горѣловъ уже раньше сдумѣлъ сколотить нѣсколько тыщенокъ. И вотъ онъ поѣхалъ въ Петербургъ, заполучилъ тамъ право на производство въ первый классный чинъ, конечно за деньги и вернулся въ Артуръ уже чиновникомъ.

Векорѣ послѣ этого Горѣловъ покупаетъ мѣсто въ Артурѣ, строить домъ въ 20,000 р. и въ теченіе года онъ обладатель сто тысячнаго капитала.

Д. Д. Щелкуновъ, содержатель машинной части въ Порту, Н. И. Третьяковъ, завѣдывающій провизіей, также сразу богатѣютъ. Инженеръ Механикъ порта Шиловъ, устанавливающій фактъ *) угля, конечно, произвольно, живетъ какъ Крезъ и ворочаетъ капиталами.

А тамъ, вверху, творятся неописуемыя дѣла, но уже не съ служащими Гинсбурга, а съ

*) т. е., годность или негодность.

Авторъ.

самимъ „Угольнымъ Королемъ Дальнаго Востока“.

Однако за послѣднее время наши суды все рѣже и рѣже начали попадать въ заграничные порта и дѣло съ угольною комбинаціей сильно осложнилось. Но и тутъ отцы командиры нашли себѣ выходъ. Тѣмъ или инымъ способомъ они всетаки добивались разрѣшенія сдѣлать лишній рейсъ до Нагасака, гдѣ жаждали простоять хотя бы одни сутки. Если теперь провѣримъ, по отчетности, что за эти сутки пребыванія въ Японіи приняло такое судно: матеріалами, водою, углемъ, провизіей и такъ далѣе, то всемірный рекордъ по быстротѣ и количеству приѣмки остался бы за русскими моряками, такъ какъ они умудрялись выполнять не существимое.

Наконецъ и это средство для сбыта экономіи оказалось затруднительнымъ. Опять пришлось отцамъ командирамъ ломать голову надъ сложнымъ экономическимъ вопросомъ.

На этотъ разъ само адмиралтейство пришло къ нимъ на помощь.

Купцу Маковскому было разрѣшено открыть частный складъ при Владивостокскомъ

портъ, а Гинсбургу тамъ же и въ Портъ-Артуръ. Закипѣла работа по фабрикаціи этими складами дутыхъ счетовъ. Словомъ когда являлась дѣйствительная нужда въ углѣ, онъ брался изъ казенныхъ складовъ, а при накопившейся экономіи, получался отъ упомянутыхъ частныхъ лицъ, которые охотно шли на компромиссъ по недопріемкѣ, а то и попросту выдавали счета на совершенно неприятный уголь.

Но какъ же загоняется эта самая экономія? спросить читатель.

— А очень просто:

Когда корабль грузится углемъ, то количество послѣдняго опредѣляется по углубленію ахтеръ штевня (корма) и форъ-штевня (носъ).

По этому старшій механикъ, желающій скрыть недопріемку, заполняетъ водою балластные цистерны, которыя при погрузкѣ должны быть всегда пустыми.

По мѣрѣ же его расхода, вода постепенно выкачивается.

То же самое можетъ продѣлать механикъ, показавъ, что опрѣснялъ воду дорогой; опрѣ-

считатели требуютъ сравнительно большой затраты топлива.

Конечно, онъ ничего подобнаго и не дѣлалъ, такъ какъ своевременно запасся водою. Выводя же уголь въ расходъ на мнимое опрѣсненіе, онъ недопринимаетъ въ порту соответствующее количество его.

Предположимъ, что какому нибудь кораблю требуется принять 700 тоннъ угля, то они будутъ приняты полностью какой бы контролеръ не наблюдалъ за пріемкой. А между тѣмъ и поставщику и старшему механику остается добрая толика на разживу.

Въ чемъ же здѣсь секретъ?

А вотъ въ чемъ: принятый уголь окажется лишь слегка влажнымъ.

Въ расходъ онъ будетъ показанъ опять въ семистахъ тоннахъ.

Въ дѣйствительности же его было принято меньше, что и окажется черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, когда онъ просохнетъ. Получается нехватокъ, который механикъ выводитъ на расходы по вспомогательнымъ механизмамъ, что провѣрить чрезвычайно трудно.

А вотъ еще примѣръ :

Старшій механикъ является къ командиру съ докладомъ, что въ цистернѣ съ прѣсной водой, послѣдняя испортилась: — попала соленая черезъ верхнія горловины.

Командиръ или старшій офицеръ требуетъ „пробу“. Завѣдывающій отпускомъ прѣсной воды нижній чинъ, является со стаканомъ солоноватой воды, послѣ чего старшій механикъ получаетъ разрѣшеніе пустить въ ходъ опрѣснители.

До прихода въ слѣдующій портъ механикъ и не думаетъ опрѣснять воду, такъ какъ въ указанной имъ цистернѣ она вполнѣ хорошая, попросту перекаченная изъ сосѣдней, которая по положенію должна была оставаться пустою. Уголь, израсходованный яко бы на опрѣсненіе, поступаетъ въ экономію и имъ погашается недопріемка.

На сколько вообще было выгодно оперировать углемъ видно изъ случая, какимъ путемъ Гинсбургъ старался захватить все подряды въ свои руки.

За годъ до минувшей войны были объявлены торги на поставку угля.

Какъ водится, желающіе торговаться предъявили въ запечатанныхъ конвертахъ свои кондиціи и пятьдесятъ тысячъ рублей залогомъ.

Еще до этихъ торговъ Гинсбургъ поставлялъ въ Артуръ японскій уголь по 12 рублей за тонну, то есть, въ два раза дороже нежели таковой стоилъ въ Японіи. Теперь же его, цѣна была заявлена въ 14 рублей; словомъ, оказалось самою высокою изъ всѣхъ предложеній.

Вскрывъ пакетъ нѣкоего Журавскаго, коммиссія объявила, что торгъ, остался за нимъ, такъ какъ Журавскій предлагалъ цѣну даже ниже японской.

— Вотъ то благодѣтель съ неба свалился! Наступило время поставки, но Журавскаго не отыскали. Словно въ воду кануль.

Уголь нуженъ до зарѣзу, а взять его не откуда.

Туда, сюда, и конечно бросились къ благодѣтелю Гинсбургу.

Поломался Моисей Акимовичъ и наконецъ согласился доставить уголь, но уже не за 14 рублей, какъ предлагалъ на торгахъ, а по 16 за тонну.

Конкуренговъ не явилось и подрядъ остался за нимъ.

Залогъ же Журавскаго въ пятьдесятъ тысячъ, очевидно принадлежавшій никому иному какъ Гинсбургу, по закону остался въ казнѣ и поступилъ на красный крестъ.

Дорого же стоили Россіи эти 50.000, брошенные ловкимъ „благодѣтелемъ“. Милліоны переплатили русскій народъ аферисту, поймавшему преступное правительство на пятидесятитысячную удочку.

Впрочемъ и ловить то не приходилось. Удилище съ прочнымъ крючкомъ и крѣпкой лесой давно были выручены морскимъ министерствомъ и отцами командирами, этому же Гинсбургу для ловли дорогой рыбы въ казенной мутной водѣ, гдѣ рыба эта насаживалась на крючекъ рыбака самими же услужливыми хранителями ея неприкосновенности.

Такъ вотъ какія дѣлишки обдѣлывали „благодѣтели“ русскаго флота, а ихъ кромѣ Гинсбурга было не мало.

Однако все дѣяніи этой массы паразитовъ русскаго флота, этихъ сообщниковъ отцовъ командировъ: ревизоровъ, старшихъ механи-

ковъ, портовыхъ чиновниковъ и другихъ хозяйственныхъ чиновъ морскаго вѣдомства ничтожны въ сравненіи съ грандіозной „Панамой“ русскаго флота, царившей благодаря содѣйствію знаменитаго „Угольнаго Короля“.

Уму не постижимо, что продѣлывали господа адмиралы, командиры, ревизоры, чиновники и даже матросы, занимавшіе хозяйственныя должности при помощи Гинсбурга и его темной клики служащихъ, неговоря уже о томъ, что творилось за таинственными стѣнами Адмиралтейства, и въ рабочемъ кабинетѣ августѣйшаго генераль-адмирала.

Къ счастью мы имѣли случай собрать колоссальный матеріалъ обо всей этой грандіозной и таинственной работѣ, предприимчиваго „благодѣтеля русскаго флота“, и сонма негодяевъ крестами и звѣздами увѣщенныхъ, такъ нагло, такъ безстыдно ограбившихъ и продолжающихъ грабить Россію.

Въ очень недалекомъ будущемъ, мы предложимъ и этотъ матеріалъ на общественный судъ, — такъ какъ печатая настоящую книгу, въ силу чисто техническихъ условій, не имѣемъ возможности придать ей болѣе широкіе

размѣры и ограничиваемся лишь общимъ обзоромъ этой темной области дѣятельности русскихъ моряковъ и ихъ благодѣтелей.

Милліоны Гинсбурга — это русскіе кровныя народныя деньги и они должны принадлежать народу.

Уличенный въ мошенничествѣ или грабежѣ лишается награбленнаго имущества; той же участи подвергаются и сообщники грабителей.

Грабителей мы теперь знаемъ.

Не есть ли Гинсбургъ первый сообщникъ ихъ преступныхъ дѣяній?

XII.

Мѣры принятыя морскимъ министерствомъ. — Другія мошенничества. — Опять Гинсбургъ. — Тухлая солонина. — Господа ревизоры. — Лейтенантъ Можайскій. — Отношеніе командировъ къ ревизорамъ. — Крейсеръ „Аврора“ въ 1902 г. — Ревизоръ Захаровъ и подрядчикъ Тривулидисъ. — Дорогіе ковры. — Ревизоръ „Олега“ Афанасьевъ. — Транспортъ „Аргунь“ послѣ войны.

XII.

Видя колоссальные расходы на уголь и боясь выскочить из бюджета съ одной стороны и потерять „доходъ“ съ другой, морское министерство рѣшило для сокращенія расходовъ ввести губительный вооруженный резервъ, какъ я уже говорилъ, порализовавшій практическую подготовку моряковъ и уменьшавшій хожденіе судовъ въ море.

Тихоокеанская эскадра, на подобіе древнихъ Аргонатовъ ходила за „золотымъ рупномъ“ изъ Портъ-Артура въ Дальній и все же умудрялась загонять солидную экономію, несмотря на то, что подобное шествіе совершалось только одинъ разъ въ недѣлю.

Адмиралы уже не смѣли носа сунуть въ заграничные порта безъ разрѣшенія свыше

и только отцы командиры черезъ женщинъ, имѣвшихъ огромное значеніе въ сложной морской организаціи, или черезъ сильныхъ міра сего, попадали для поправленія разстроенныхъ дѣлъ за границу.

И такъ, самыя крупныя злоупотребленія имѣли мѣсто при расходованіи угля, но и въ прочихъ отрасляхъ хозяйства происходило то же самое. Такъ, напримѣръ :

При приѣмкѣ отъ подрядчика троса, можно было произвольно опредѣлить вѣсъ бухты, *) такъ какъ контроль, очевидно этого никогда не усматривалъ, не имѣя представленія о ея штатномъ вѣсѣ.

И такъ, бухту десятидюймоваго троса, штатный вѣсъ который шестьдесятъ пудовъ, благополучно показывали—въ семьдесятъ восемь пудовъ по двадцати одному рублю, когда казенная цѣна колебалась отъ семи рублей до семи съ половиной.

$$60 \times 7 = 420 \text{ рублей}$$

$$78 \times 21 = 1638 \text{ „}$$

*) Свертокъ (каната) троса называется бухта.

Такимъ образомъ 1218 рублей поступали въ экономическія суммы, т. е. въ карманъ командиру и ревизору.

При заготовкѣ провизіи въ заграничныхъ портахъ, отъ подрядчиковъ брался счетъ на сухари по 5 рублей 50 копѣекъ за пудъ. Въ дѣйствительности же сухарей совсѣмъ не принималось, такъ какъ заполучивши за тысячу пудовъ сухарей 5.500 рублей, выгоднѣе приобрѣсти 1200 пудовъ хлѣба, заплативъ за него 2000 рублей. Такимъ образомъ, 3.500 р. поступаютъ въ „экономическій капиталъ“, а то и просто въ карманъ заготовителя продуктовъ. Проконтролировать же, что расходуется сухари или хлѣбъ—немыслимо.

Минеральное масло для смазки машинъ расходуется также въ огромномъ количествѣ, почему и изъ этого продукта извлекается не малая толика пользы старшими механиками въ союзѣ, конечно, съ ревизоромъ и командиромъ,

Обыкновенно получается оно въ пудовыхъ бочкахъ.

Густое стоитъ въ порту до двухъ рублей, а жидкое отъ восьмидесяти копѣекъ.

Однако, если заглянуть въ судовую отчетность, то невольно обратишь вниманіе на то обстоятельство, что то же самое масло, приобретенное за границей, обошлось до восемнадцати рублей за пудъ. Удивительное, право, явленіе, — не правда ли?

А вотъ еще одно изъ „благодѣяній“ господина Гинсбурга:

Въ періодъ 1900 — 1903 годовъ на Дальнемъ Востокѣ было очень мало электрическихъ лампочекъ накаливанія, а между тѣмъ требовались они постоянно. Конечно такіе заказы не миновали Моисея Акимовича Гинсбурга, который любезно поставлялъ ихъ по 1-му рублю 50 копѣекъ за штуку, тогда какъ дѣйствительная стоимость таковыхъ—23 копѣйки. Следовательно, выгодно было бы выписывать эти лампочки по почтѣ.

Но вотъ когда ликовали хозяйственные чины корабля.

Среди огромнаго запаса солонины вдругъ обнаруживается испорченный боченокъ. Моментально тухлая солонина раскладывалась поверху прочихъ свѣжихъ бочатъ *) и назна-

*) Если безъ подобной церемоніи никакъ ужъ нельзя обойтись, чаше же всего — прямо писался актъ о непригодности совершенно свѣжей солонины, не прибѣгая даже къ освидѣтельствуванію.

Авторъ.

чалась комиссія для освидѣтельствуванія всего запаса.

Члены комиссіи тѣ же офицеры, вмѣстѣ съ судовымъ врачомъ обнюхивали бочата и съ отвращеніемъ отварачивались отъ распространяющагося смрада. Составлялся, конечно, актъ о непригодности солонины и немедленно ея уничтоженіи.

Послѣ этого гнилая солонина выбрасывалась за бортъ, а запасъ свѣжей, но забракованной продолжалъ служить своему назначенію, а отъ поставщика брался счетъ на будто бы приобретенную вновь, взаменъ признанной негодною.

А вѣдь пятипудовый боченокъ солонины, при цѣнѣ шести рублей за пудъ, стоитъ тридцать рублей.

Такимъ же, приблизительно, образомъ поступалось почти со всѣми матеріалами, приобретенными отъ частныхъ лицъ.

Конечно, вся судовая, „отчетность“ поступала въ государственный контроль, который принимался за провѣрку миллионовъ сфабрикованныхъ цифръ и не подозрѣвая, что подобная отчетность ни что иное, какъ насмѣшка

надъ контрольнымъ учрежденіемъ. Чиновникъ заканчивалъ свою арифметическую задачу, итоги оказались вѣрными. Далѣе же онъ былъ безсиленъ, за исключеніемъ, развѣ, уже очень грубыхъ злоупотребленій да и то отъ нихъ благополучно отписывались.

Нечего и говорить что для подобной „Панамы“ необходимо было имѣть опытныхъ ревизоровъ и попатарѣльныхъ механиковъ. Безъ нихъ отцы командиры являлись бы совершенно безсильными, но подобныхъ финансистовъ находилось сколько угодно и они доходили до виртуозности. Ими отцы командиры дорожили, передавая по наслѣдству одинъ другому.

Особенно знаменитымъ считался лейтенантъ Можайскій, *) ревизоръ крейсера „Владиміръ Мономахъ“. Хищенія этого господина не поддаются описанію, а нахальство его дошло до того, что во время похода „Мономаха“, на Дальній Востокъ, въ Коломбо Можайскимъ было фиктивно куплено все парусное вооруженіе для (крейсера).

*) Теперь Можайскій въ отставкѣ и имѣетъ въ Туркестанѣ богатое имѣніе.

Держалъ себя этотъ ревизоръ совершенно независимо, произвольно давалъ командиру, что хотѣлъ, а о его доходахъ можно судить по тѣмъ пышнымъ обѣдамъ, которые онъ самостоятельно задавалъ въ Сингапурѣ всему офицерскому составу крейсера „Рында“.

Конечно у порядочнаго, честнаго командира ничего подобнаго не могло бы случиться и ревизоры ограничивались бы мелкими гешефтами съ поставщиками.

Въ случаѣ же чего, командиръ всегда имѣлъ возможность смѣстить такого ревизора. Но такъ какъ послѣдній дорожа своимъ мѣстомъ „добросовѣстно“ дѣлился съ командиромъ, то, конечно, поле его дѣятельности становилось шире, да и командиръ съ каждымъ мѣсяцемъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ своему хозяйственному помощнику и вмѣстѣ съ нимъ всецѣло погружался въ размышленія о способахъ новой наживы.

Вотъ почему среди командирскаго состава нашего флота, такъ мало оказалось людей, знающихъ морское дѣло и вѣрныхъ своему долгу.

Къ чему же такъ лихорадочно составляли они себѣ состоянія? Неужели для того, чтобы въ то время, когда имъ предстоялъ близкій покой и наслажденія жизненными удобствами, сложить свою голову?

Не могу не привести еще одного очень назидательнаго случая.

Въ 1903 году крейсеръ „Аврора“ получилъ приказаніе спѣшно отправиться въ заграничное плаваніе чтобы догнать „Цесаревичъ“ и „Баянъ“, ожидавшихъ его въ Средиземномъ морѣ.

Рейсы были назначены срочные, по часамъ. Придя въ Портландъ на четыре часа позже, вслѣдствіе свѣжей погоды, командиръ крейсера, капитанъ 1-го ранга Сухотинъ, получилъ даже замѣчаніе въ телеграммѣ отъ управляющаго морскимъ министерствомъ.

Однако этому почтенному отцу командиру не было никакого желанія итти такъ спѣшно на Дальній Востокъ, такъ какъ въ воздухъ пахло войной, а наши силы въ Тихомъ океанѣ были еще не значительны.

Вотъ онъ и рѣшилъ застрять въ Среди-

земномъ морѣ, гдѣ куда покойнѣе нежели въ Портъ-Артуръ или Владивостокъ.

Начались всевозможныя изобрѣтенія ремонта и поправокъ. Дошли до Алжира, гдѣ была получена телеграмма съ приказаніемъ итти на Критъ для соединенія съ „Цесаревичемъ“ и „Баяномъ“.

Въ это время броненосецъ „Ослябя“, вышедшій двумя мѣсяцами позже, чинился въ Специи, такъ какъ около Танжера ткнулся о камень.

Командовалъ имъ капитанъ 1-го ранга Михѣевъ, и старшимъ штурманомъ былъ „опытный“ морской офицеръ Блохинъ.

И вотъ, командиръ „Авроры“ Сухотинъ даетъ телеграмму начальнику отряда контръ-адмиралу Виреніусу съ просьбой остаться „въ виду неготовности крейсера на такой длинный переходъ“.

А знаете ли, въ чемъ заключалась эта самая неготовность?

Да въ томъ: что во время шторма оторвалась клюзная крышка, то есть, заслонка для отверстія, черезъ которое проходитъ якор-

ная цѣпь, а также задрайкъ (задвигка для пушечныхъ портовъ).

Разрѣшеніе было получено и „Аврора“ пошла въ Спецію, гдѣ было куплено масса, матеріаловъ.

Изъ Спеціи крейсеръ направился въ Бизерту, — портъ въ четырехъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Туниса.

Здѣсь должны были быть произведены расчеты съ подрядчикомъ грекомъ Тривулидисомъ, прибывшимъ изъ Спеціи. Деньги ему были заплачены огромныя.

Надо замѣтить, что ревизоромъ на „Аврорѣ“ былъ лейтенантъ Алексѣй Алексѣевичъ Захаровъ, тотъ самый который, состоялъ ранѣе ревизоромъ на „Гремящемъ“.

Когда послѣдній вернулся въ Кронштадтъ, то была послана бумага, чтобы Захарова „ни въ какомъ случаѣ ревизоромъ не назначать“. Непостижимо, какимъ образомъ онъ очутился послѣ этого въ той же должности на „Аврорѣ“.

Въ каютъ-компаніи, въ присутствіи многихъ офицеровъ, уплачивались Тривулидису деньги.

Ревизоръ сложилъ золото на столѣ ровными столбиками по 500 франковъ каждый и случайно разсыпалъ одинъ изъ нихъ на полъ.

— Пустяки! остановилъ поставщикъ, нагнувшася было Захарова, — считайте дальше!

— Но вѣдь тамъ 500 франковъ, замѣтилъ ревизоръ.

— Ну такъ чтожъ, пусть ихъ подберутъ себѣ вѣстовые, — спокойно отвѣтилъ Тривулидисъ.

На обратномъ пути „Аврора“ зашла въ Кадиксъ. Ревизоръ Захаровъ, увѣрявшій всѣхъ, что живетъ исключительно на морское довольствіе (210 руб.), такъ какъ оставилъ женѣ береговое, показывалъ въ каютъ-компаніи нѣсколько дивныхъ, художественныхъ вѣеровъ, говоря, что за каждый заплачено имъ болѣе тысячи рублей. При входѣ же въ Либаву оказалось, что въ шкиперской рубкѣ лежатъ нѣсколько огромныхъ Смирнскихъ ковровъ, принадлежащихъ командиру и ревизору.

Но какіе это были ковры! Рабочіе еле управились съ ними, извлекая изъ рубки. Десятки тысячъ было заплачено за эти дра-

готцѣнныя вещи и вѣроятно изъ скромныхъ сбереженій экономнаго ревизора, ограничившагося своимъ морскимъ довольствіемъ.

Впослѣдствіи лейтенантъ Захаровъ, за пьянство со своими помощниками матросами былъ исключенъ изъ каютъ-компаніи и въ 24 часа списанъ вице-адмираломъ Рождественскимъ въ Наси-бэ (Мадасаскаръ), на транспортъ „Малайя“. Только черезъ годъ онъ былъ уволенъ въ отставку съ производствомъ капитана 2-го ранга.

Ревизоръ „Олега“, лейтенантъ Александръ Афанасьевъ, на пути въ догонку второй эскадрѣ умудрился, ради полученія экономическихъ денегъ, купить въ Средиземномъ морѣ (на Критѣ) и въ Портъ-Саидѣ минеральное масло, воспользовавшись двухчасовой пробой полного хода.

Надо замѣтить, что въ этихъ случаяхъ машины поливаются масломъ изъ брандспойтъ.

На „Олегѣ“ былъ полный запасъ всѣхъ матеріаловъ, а при эскадрѣ имѣлось множество транспортовъ со всѣмъ необходимымъ.

Каковы были надежды на экономическія деньги, свидѣтельствуешь то, что ревизоромъ для каютъ-компаніи „Олега“ передъ походомъ была куплена вся новая сервировка и ковры на сумму 10.000 рублей въ счетъ „будущихъ благъ“.

Нѣкоторые командиры предлагали своимъ ревизорамъ по триста — четыреста рублей добавочныхъ въ мѣсяцъ, чтобы они только показывали имъ настоящую цифру экономіи.

А вотъ еще, но уже болѣе свѣженькій примѣръ, свидѣтельствующій о томъ, какъ повліяли „Цусима“ и участь Портъ-Артурской эскадры на нашихъ офицеровъ флота.

Капитанъ 2-го ранга Твердомедовъ командуетъ послѣ войны транспортомъ „Аргунь“. Наживы не много, не то что въ былыя времена.

Вдругъ, о счастье! Осенью 1906 года его посылають въ порта охотскаго моря. Твердомедовъ комерсантъ, одно время даже былъ въ запасѣ, имѣлъ собственный пароходъ и чуть ли не въ Севастополѣ былъ городскимъ головой. Словомъ человекъ на всѣ руки.

Во Владивостокъ транспортъ „Аргунь“ вернулся, загруженный мелкою галькой. Во

Владивостокъ на нея спрось, — идутъ бетонныя сооруженія.

Бдетъ г. Твердомедовъ къ командиру надъ портомъ съ поклонномъ и подарками: шкуры медвѣжьи, то да се. Поговорилъ по душѣ и обдѣлалъ дѣльцо. Портъ купилъ гальку у ловкаго мореплавателя.

Побывалъ транспортъ „Аргунь“ и въ Нагасакахъ, стоялъ онъ тамъ что то больше недѣли. Это былъ первый визитъ Андреевскаго флага послѣ войны въ когда-то насиженное мѣстечко. Заработали поставщики и пошла фабрикація оправдательныхъ документовъ.

Такъ вотъ какіе дѣла обдѣлывались, да и обдѣлываются до сей поры нашими моряками.

XIII.

Корпоративная тайна. — Какъ содержатся команды на судахъ. — О „табели порціи морской провизіи“. — Отношеніе матросовъ къ офицерамъ. — Заключение.

XIII.

Однако судно вѣдь не государство, не скроешь здѣсь всѣхъ грязныхъ комбинацій, какъ тамъ, подъ блестящею иглой Адмиралтейства.

Здѣсь всѣ вѣдь на виду, всѣмъ ясно, что творится и въ рубкѣ командира, и въ ревизорской канцеляріи, и тамъ въ чаду, среди машинъ и складовъ экономическаго угля.

Волнуетъ подобное отношеніе начальниковъ къ государственной собственности, умы еще не тронутой развратомъ молодежи.

Задѣтые чистые сердца и рвется искренній протестъ... Но бесполезно. Нигдѣ не встрѣтить онъ сочувствія и глохнетъ въ средѣ отъявленныхъ воровъ, поддерживаемыхъ свыше.

И вотъ, постепенно убѣждаясь, что тамъ, въ министерствѣ смотрятъ на дѣйствія судового начальства, какъ на что то обыденное, должное, со временемъ привыкаетъ молодежь къ новому взгляду на вещи и укрѣпляется все тверже и тверже въ сознаниі, что „такъ надо“. А тутъ еще жужжитъ имъ въ уши начальство, что это тайна корпораціи и свѣтъ не долженъ знать о томъ, что есть лишь достояніе моряка.

И этотъ взглядъ на сохраненіе тайны, подъ страхомъ иногда потери, даже службы, воспитываетъ новый духъ и направленіе, недавно еще чистаго душою офицера.

Обставленный всевозможными удобствами и не рѣдко даже роскошью, отбывая лишь „номера“ по строго заведенной программѣ, онъ становится все дальше и дальше отъ семьи младшихъ своихъ подчиненныхъ, дѣлается невмѣру требовательнымъ къ нимъ въ пустякахъ, озлобленъ и брезгливъ къ этимъ истиннымъ рабамъ корабля.

Онъ далекъ отъ насущныхъ ихъ потребностей и слѣпъ къ той печальной обстановкѣ, которая окружаетъ русскаго матроса.

Кому приходилось бывать на военномъ кораблѣ, тотъ навѣрное обратилъ вниманіе, какъ по свински обѣдаетъ и ужинаетъ команда.

Изъ обсаленныхъ баковъ и ведеръ ѣдятъ матросы свою скромную пищу, деревянными, зачастую изломанными ложками, кто сидя, кто стоя. Это обстоятельство особенно рѣзко бросается въ глаза, потому что тутъ же, подъ бокомъ, въ роскошной каютѣ-компаніи щеголяютъ офицеры, ѣдятъ изысканныя блюда на серебря и попиваютъ дорогія вина изъ хрустальныхъ бокаловъ.

Какая несоизмѣримая разница между обстановкой офицеровъ и нижнихъ чиновъ на кораблѣ.

Почему на иностранныхъ судахъ, и матросы и офицеры одинаково ѣдятъ по человѣчески?

Вѣдь матросъ, соприкасаясь съ иностранцами видитъ все это и тяготится своимъ положеніемъ.

Я не разъ слышалъ о томъ отъ самихъ нижнихъ чиновъ.

Такія шальные деньги тратятся на каютѣ-компанію, безъ зазора совѣсти загоняютъ экономію въ свою пользу, а о тѣхъ, на плечахъ

которыхъ лежитъ самая тяжкая работа и не подумаютъ, напротивъ, ихъ же обираютъ, пользуясь матросскими крохами.

Ну чего бы казалось стоило отцамъ—командирамъ завести хотя бы эмалированную посуду, ножи, вилки, столовое бѣлье. Все это приучаетъ человѣка къ аккуратности, бережливости и постепенно облагораживаетъ грубые нравы.

Но нѣтъ, объ этомъ и разговаривать не стали бы. „Не положено по штату—и баста“.

Тоже нельзя умолчать о „Табели порціи морской провизіи“.

Не однократно, по настоянію нѣкоторыхъ болѣе честныхъ дѣятелей въ министерствѣ, командиры запрашивались объ измѣненіи этой таблицы и увеличеніи однихъ предметовъ за счетъ другихъ, которые, какъ доказано опытомъ не расходуются.

Напримѣръ, крупы: овсяная, гречневая и рисовая доставляетъ порядочный доходецъ хозяйственнымъ чинамъ корабля, въ особенности при продажѣ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ не родятся.

Въ заграничномъ плаваніи команда не ѣстъ гречневой каши, а требуетъ большаго количества мяса, которое, при напряженной работѣ въ морѣ, только одно поддерживаетъ силы людей. По этому двѣ трети положеннаго количества крупы могли бы съ успѣхомъ изъять изъ употребленія, замѣнивъ его соотвѣтственнымъ количествомъ мяса и зелени, что дало бы возможность давать матросамъ хорошій ужинъ. Примѣромъ кормленія командъ могутъ служить порядки столованія нижнихъ чиновъ Добровольнаго Флота, гдѣ порція по стоимости дешевле, а столъ, при обиліи мяса очень порядочный. На каждого матроса Добровольнаго Флота отпускается въ день 45 копѣекъ, то есть на 10 копѣекъ меньше нежели въ военномъ флотѣ. А между тѣмъ на Добровольцѣ матроскій столъ несравненно лучше нежели на нашихъ боевыхъ корабляхъ.

Между тѣмъ. казалось бы, что гдѣ больше кормится людей тамъ выгодиѣе и хозяйство

Такая безпечность офицерскаго состава къ нуждамъ матросовъ не осталось безъ результатовъ.

Съ увѣренностью можно сказать что ни въ одной изъ сухопутныхъ частей войскъ нѣтъ такой пропасти между офицерами и нижними чинами, какъ въ русскомъ военномъ флотѣ. Любимый и уважаемый матросами офицеръ—рѣдкость.

Больше. Матросы ненавидятъ своихъ офицеровъ съ тою же силою, какъ ненавидятъ рабочіе капиталистовъ, сосущихъ изъ нихъ послѣдніе соки. Напрасно полагаютъ господа чиновные моряки, что вся эта масса ихъ подчиненныхъ не видитъ, что дѣлается вокругъ нея, не понимаетъ, что представляетъ собою среда морскихъ офицеровъ.

Пойдите побесѣдуйте съ матросами и если вы снищете довѣріе этихъ людей, то они вамъ пожалуй расскажутъ больше чѣмъ я.

Матросъ терпѣливъ, скрытенъ и необыкновенно солидаренъ при массовыхъ протестахъ. Онъ очень быстро развивается въ отношеніи политическаго кругозора и необыкновенно легко идетъ по пути той великой науки, которая была провозглашена міру Иисусомъ.

Лучшій матеріаль для социализма въ военной средѣ это наши матросы и 80 % ихъ, только благодаря пребыванію на службѣ, пойдеть по этой дорогѣ.

Какъ наше правительство само на каждомъ шагу наталкиваетъ русскій народъ на путь революціи, какъ бы стараясь приблизить моментъ неизбежной развязки, такъ и морское начальство какъ будто употребляло все усилія, чтобы вызвать со стороны массы своихъ рабовъ — подчиненныхъ кровавый протестъ.

Не матросскіе ли бунты послужили сигналомъ къ Великой Русской Революціи. Не „Потемкинъ“ ли „Память Азова“ „Свѣтлана“ и др. заставили содрогнуться весь міръ своимъ безпримѣрно — отважнымъ вызовомъ! Не стали ли матросы среди первыхъ рядовъ революціонеровъ?

Да, и это были серьезные борцы за свободу, такъ какъ они на своихъ плечахъ перенесли настоящую неволю, поняли вполне, что такое русское самодержавное правительство и всѣми силами возненавидѣли гнилое, отживающее барство.

Къ счастью для своего народа Россія не

выиграла войны съ Японіей. Какимъ бы истиннымъ бѣдствіемъ для нея былъ бы другой оборотъ компаніи.

На полъ вѣка назадъ отошла бы наша несчастная родина, удесятерилось бы количество казнокрадovъ и полицейско - казачій режимъ окончательно задавилъ бы на цѣлыя столѣтія стремленія измученныхъ росіянъ къ свободѣ.

Теперь, когда снова правительство употребляетъ все усилія вырвать у обнищалаго народа огромныя деньги на возрожденіе флота, черная завѣса скрывавшая корпоративную тайну, приподнята.

Во всемъ своемъ отвратительномъ безобразіи увидила Россія гніющія раны государственнаго строя своего отечества и поняла гдѣ надо искать корень зла, гдѣ кроется причина всего того о чемъ передалъ ея въ своемъ настоящемъ трудѣ и многого другого, что уже давно наболѣло въ сердцѣ русскаго народа.

Очнулась Великая Россія и страшна будетъ ея расправа съ сонмомъ негодяевъ, поставившихъ свою измученную, изстерзанную произволомъ страну на край гибели.

КОНЕЦЪ.

